

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

ИМПЕРИЯ МЛЕЧНОГО ПУТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

РАЗВЕДЧИК

Империя Млечного пути

Денис Бурмистров

**Империя Млечного
Пути. Книга 1. Разведчик**

«Денис Бурмистров»

2019

Бурмистров Д. Е.

Империя Млечного Пути. Книга 1. Разведчик /
Д. Е. Бурмистров — «Денис Бурмистров», 2019 — (Империя
Млечного пути)

Отдаленное будущее, век космической экспансии. В глубоком космосе дрейфует колониальный звездолет, отправленный когда-то на поиски пригодных для жизни планет. Однако, из-за необъяснимой аварии, произошедшей сотню лет назад, корабль превратился в мрачный склеп, населенный чудовищами, а большинство выживших уже не верят, что за бортом есть другие миры. Юрий Гарин – разведчик, один из тех, кто не оставляет попыток пробиться в капитанскую рубку и вернуть людям контроль над системами управления. Мог ли он представить, чем именно обернется очередной поход на нижние палубы? Мог ли предугадать через какие опасности и приключения предстоит пройти, чтобы вернуться домой? Догадывался ли с какими тайнами столкнется в Империи Млечного пути? Представляю вам первую книгу писателя-фантаста Дениса Бурмистрова из цикла «Империя Млечного пути».

© Бурмистров Д. Е., 2019

© Денис Бурмистров, 2019

Содержание

Пролог	5
1. Карл Йенсен	34
2. Юрий Гарин	38
3. Карл Йенсен	57
4. Юрий Гарин	60
5. Десантно-штурмовой фрегат Космических сил Империи «Тетракс».	70
Окраина пограничной зоны ответственности «Восьмая Андромеды»	
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Денис Бурмистров

Империя Млечного Пути.

Книга первая. Разведчик

Пролог

*«Загадки космоса влекут меня штурмовать небеса!
И вот стою я у роковых врат, мой разум готов к открытиям».*
ОЕМ «Катюша»

Такого мьюта Юрий раньше не видел. Огромная тварь цвета кипяченого молока неторопливо водила из стороны в сторону вытянутой безглазой мордой, словно демонстрируя полную треугольных зубов пасть. Крупные ноздри рывками втягивали воздух, уши-перепонки чуть заметно подрагивали, улавливая малейший звук вокруг. На лишенной растительности шкуре, от груди и до самой холки, тянулись застарелые шрамы, длинные и рваные.

Мьют издал тонкий, совсем не вяжущийся с его массивной фигурой свист и застыл, расправив похотевшие на барабаны уши. Спустя пару секунд дернул головой, с пугающей грацией развернулся и практически бесшумно скрылся за густым пологом ядовитого плюща.

Когда тонкие стебли прекратили качаться, разведчик позволил себе дышать глубже. Медленно поднял руку, стер с лицевого стекла липкие обрывки паутины. Отрегулировал сбитый падением фокус ночного видения.

Вокруг была дремучая сельва, влажная и топкая. От мягкой, податливой земли исходил густой дух тления, воздух казался вязким и холодным, как пот больного горячкой. Хилые деревца, покрытые плоскими грибами-паразитами и лишайником, льнули друг к другу, заваливаясь и превращаясь в гнилой ковер.

Юрий поднял голову, постарался разглядеть сквозь болтающиеся обрывки бородастого мха ту дыру, сквозь которую провалился. Тщетно, слишком высоко, «зрение» старого шлема не добивало.

Интересно, что в его ситуации лучше – свернуть себе шею при ударе о землю или быть сожранным живьем?

Он выбрался из склизкого объятия раздавленного куста-хватуна, смягчившего падение. Размазал по серой ткани комбинезона бурю кашу из сердцевины и тягучего сока, стараясь, чтобы субстанция не попала на кожу. В нос ударил горький запах, но Юрий того и добивался. Удовлетворившись своей работой, он перехватил за ручку болтающийся на темляке длинный нож, прикинул направление и пошел вперед, сгорбившись и стараясь как можно меньше шуметь.

Если дело дойдет до драки, мьют не оставит Юрию шансов, собьет головой на землю и разорвет. Не самая приятная и быстрая смерть. Но это не повод забиться в угол и пустить слезу, нет уж. Будет драка – будем драться.

Перегонной глушил шаги, слабо чавкал под весом человека. Разросшиеся между деревьями кусты-хватуны лениво тянули к проходящему мимо Юрию извивающиеся сучья, но тот не обращал на них внимания – усыпляющий сок не мог проникнуть сквозь плотную ткань одежды.

Мьют должен быть где-то рядом. Это его охотничья территория и глупо надеяться, что он так запросто отстанет. Эти твари с каждым годом становились все сообразительнее, их уже не обманешь старыми уловками.

Перешагнув узкую прогалину с застоялой водой, разведчик уперся в плотную стену колючих лиан. Их толстые, с руку взрослого человека, узловатые стебли переплетались и уходили вверх, теряясь в темноте.

Будь Юрий на верхних ярусах, он, наверное, попробовал бы взобраться по лианам к спасительному пролому. Длинные шипы, конечно, причинили бы некоторое неудобство, но он привык не обращать на подобное внимание.

Однако здесь, внизу, шум от трущихся друг о друга стеблей и сдержанное, но все же недостаточно тихое дыхание человека вмиг привлечет мьютов со всей округи. И тогда как бы быстро он не карабкался, его достанут.

Хруст сломанной ветки заставил Юрия присесть и затаиться, вглядываясь в серо-бело-зеленый мир. Судя по пропадающим цветам, аккумулятор шлема почти сел, а значит, через пару часов он ослепнет, не способный видеть в крошечной темноте. И фонарик как назло не работает.

Второй аккумулятор от «ночного глаза» остался лежать в рюкзаке возле пролома. Глупо получилось, сам виноват. Незачем было делать тот еще один шаг, совсем незачем. Ведь сразу было понятно, что пол скрипит неспроста, да еще и этот привкус ржавого металла во рту... Что ж, хорошо если рюкзак нашли товарищи. Нашли рюкзак, увидели пролом и поняли что случилось. Помочь они никак не помогут, но хотя бы рюкзак и припасы не пропадут.

Хруст повторился, но чуть дальше. Кто-то тяжелый уходил прочь, ломая телом сухостой. Тот самый мют? Или уже другой?

Следовало поискать другой путь наверх. Лестницу или шахту, да даже лаз, не важно. Они где-то есть, должны быть. Нужно просто понять структуру уровня.

Нужна привязка к местности, знакомый маркер!

Это уже походило на план. Осталось только найти хоть какой-то ориентир.

Разведчик решительно двинулся вдоль стены.

Сельва жила своей странной жизнью. Что-то копошилось во мху, что-то ползало между ядовитыми листьями, что-то вздыхало в затопленных низинах. Пару раз Юрию казалось, что он слышит свист мюта. Пару раз ему виделся мелькнувший в полумраке силуэт чудовища. Липкий хвост лианы чуть не сорвал маску, вцепившись в стекло, плотную ткань комбинезона лизали плотоядные цветы.

Ориентир нашелся случайно. Сначала Юрий прошел мимо, но вернулся проверить, за что же именно зацепился его взгляд. Отодвинул рукой мясистые листья, оголяя серо-коричневую фактуру стены.

«Компрессорная» – гласил наполовину скрытый махровой ржавчиной указатель.

Разведчик прекрасно представил себе то, что должен увидеть – большую пещеру с мертвыми машинами и толстыми трубами, уходящими в бездонные подземные пустоты. Там влажно и жарко, там живут щелчки-водомерки.

Но еще там есть «Аварийный выход». Его шанс на спасение.

Мир на мгновение потух, но тут же вновь вспыхнул, словно испугавшись накатившей черноты. Юрий скосил взгляд на показатель заряда батареи маски – тот мигал тонкой красной полоской. Аккумулятор умирал слишком быстро.

Несмотря на то, что Юрий теперь представлял примерную схему уровня, он чуть не прошел мимо входа в компрессорную, густо заросший сиреневыми плющом. Перед черным провалом, в траве, лежала широкая бедренная кость какого-то животного. На посеребренной поверхности выделялись тонкие зарубки, словно кто-то неаккуратно срезал с нее плоть.

Впрочем, откуда такая неуверенность? С кости действительно срезали плоть. Обладатели этих ножей сейчас встретят человека в компрессорной. Быть может, следует как-то...

Тонкий свист раздался прямо за спиной и Юрий, не раздумывая, прыгнул вперед. Рубанул лианы, прорвался сквозь тугую преграду, поскользнулся на влажных камнях, но устоял. За

спиной трещали ветки и разлетались ошметки мха – это мьют ломился следом, шутя преодолевая все препятствия. Он почуял добычу и теперь не собирался ее упускать.

Практически севший «глаз» не позволял видеть дальше нескольких метров, но Юрий и без того понял насколько огромна пещера. Перед глазами мелькали зеленые росчерки стеблей, все остальное заливала чернота, словно не было больше ничего вокруг – только бесконечное затопленное поле, бегущий человек и склонившаяся над ним пустота.

Это было бы слишком хорошо, в реальности по пятам несло бледное чудовище, взрывающее мощными лапами водную поверхность. Юрий уже слышал победное клочкотание твари.

Препятствие выросло перед носом так внезапно, что разведчик еле успел затормозить. Вовремя заметил невысокий край похожего на высокий ящик камня, ухватился, рывком забросил тело вверх. Сдирая с поверхности махровый лишайник и обнажая гладкую металлическую поверхность, залез на один из старых механизмов. Еле успел подняться на ноги, как мьют налетел всей массой на его убежище. Раздался оглушительный лязг, с кожуха машины полетело все, что успело нарасти за долгие годы. Чудовище заскребло когтями у самых ног разведчика, подтягиваясь. Юрий полоснул ножом по лапам, ощущая, как лезвие с трудом режет толстую шкуру. Мьют зашипел, его лишенная глаз голова рванулась вперед и треугольные зубы чуть не отхватили человеку кисть. В ответ разведчик ударил чудовище ножом по морде. Сталь звякнул о лобную кость, не причинив существу видимого вреда.

Воздух вдруг наполнился сухими шелчками, затрепетала трава. Человек и мьют почти одновременно повернулись на звук.

Водомерки появились разом, словно по команде. Их сплюснутые с обеих сторон тела стремительно скользили над водой на длинных тонких лапах, покрытых острыми, словно лезвия, отростками. Жвалы жуков дробно стучали друг о друга, порождая те самые рассерженные шелчки.

Водомерки бесстрашно атаковали во много раз превосходящего их по размеру и массе мьюта. На помощь первой волне уже неслись новые насекомые.

Мьют закружился на месте, отбиваясь лапами, с хрустом разрывая хитиновые тельца зубами. Удары водомерок вряд ли могли убить его, но причинить боль, повредить уши и нос – запросто.

Вот он, шанс оторваться от преследователя!

Батареи «ночного глаза» едва хватало на то, чтобы пробить темноту на пару метров, но Юрий раньше уже бывал в компрессорных. Он помнил, что похожие на высокие металлические шкафы механизмы всегда стояли в ряд по несколько штук. И если постараться, то по ним можно прыгать.

В голове всплыл голос старого наставника, монотонный и раздражающий: «Прыгай, Юра, прыгай. Прыжок – это одна вторая полета. Твой духовник полетел – и ты у меня полетишь!».

Разведчик попытался разглядеть действительно ли рядом есть еще один выступ, но не смог. Тогда он покачался на ногах, собираясь с силами, и прыгнул.

Приземление оказалось не из приятных – поверхность соседнего «шкафа» была дальше, чем он предполагал. Вместо того, чтобы приземлиться на ноги, ударился о жесткий край грудью, приложился о стенку коленями. Однако успел ухватиться и теперь залезал на вершину, помогая себе ногами.

Должно быть, мьют разгадал его маневр. Он заревел, в два прыжка вырвался из шевелящейся массы жуков и вновь оказался прямо под человеком. Его безглазая морда молотом ударила в «шкаф» и тот заходил ходуном. Исполосованный водомерками зверь отклонился на своих мощных лапах и вновь приложился тяжелым лбом о дребезжащую стену. Потом еще. И еще раз. Потом прыгнул всей массой, разбрасывая выступившую из пасти пену.

Кожух старого механизма завибрировал, не выдержав такого напора. Конструкция жалобно закричала, что-то звонко лопнуло у основания. С оглушительным скрежетом «шкаф» повалился на бок.

Юрий в последний момент успел оттолкнуться от ломающейся опоры и прыгнуть. Пролетел несколько метров, размахивая руками и ногами, в фонтане брызг приземлился в зловонную воду. Вскочил и развернулся к мьюту, готовясь к драке.

Индикатор батареи последний раз мигнул красным, и Юрий ослеп, беспомощно вглядываясь во вдруг наступившую темноту.

– Как же, твою мать, вовремя, – только и смог прошептать человек.

Его накрыл оглушительный стрекот, по одежде захлестали острые лезвия, перебираясь с ног на спину и плечи. Разведчик принялся топтать и отмахиваться, яростно сопя. Где-то рядом ревел и посвистывал, стараясь определить местоположение человека, мьют.

Следующие секунды превратились для Юрия в яростную схватку. Он давил и рубил жесткие тельца, беззвучно терпя уколы и порезы. Пусть водомерки и были размером с кошку, но двигались куда быстрее, набрасывались, вгрызались и умело орудовали своими лапками-лезвиями. То и дело налетал мьют, сбивая с ног и клацая зубами прямо возле лица. Но, судя по всему, его тоже донимали жуки, он не мог сосредоточиться на охоте. Между хрустом хитина, собственным дыханием и шумом плещущейся воды разведчик слышал, как огромная туша проносится мимо. В такие моменты приходилось с головой уходить под воду, скрываясь от локаторов чудовища.

В какой-то момент показалось, что водомерок стало меньше, и Юрий сделал попытку прорваться. Все это время он пытался отслеживать свои перемещения, старался держаться ближе к механизмам. Где-то там, возле них, спасение.

По спине будто ударили ломом. Удар сбил человека с ног, приложил обо что-то жесткое. Победно взревел мьют, возле головы сползшего под воду разведчика гулко плюхнуло. Боль пронзило плечо – тварь в очередной раз достигла цели.

Юрий закричал, выпрыгивая из воды. Извернулся и всем телом бросился на мьют, вкладывая в каждый удар длинного ножа все свои стремительно тающие силы. Смирившийся с неизбежным, он старался дорого продавать свою жизнь. Не важна была боль, не важен страх – лишь ярость, которая обрушивала острую сталь на невидимую, а оттого кажущуюся огромной тушу врага.

Время сжалось до тонкой дрожащей струны, разделяющей бытие и забвение. Готовая лопнуть в любой момент, она тянула ноту до самого конца.

И мьют дрогнул. Он попытался сбросить с себя обезумевшую добычу, мотал головой и рассекал воздух когтями. Не сразу, но у зверя получилось придавить трепыхающегося человека к земле. Коротким движением попытался откусить тому лицо.

Разведчик в последний момент изловчился и успел всунуть в пасть лезвие ножа, скрежеща металлом по зубам. Заорал в слепую морду и, отжав ее от себя, встал на колени.

Мьют попятился. Разведчик не дал ему возможности прийти в себя. Не обращая внимания на щелкающих под ногами водомерок, он вырвал нож и нанес новый удар. Лезвие раскрыло шкуру мьюта и погрузилось глубоко в плечо зверя. Чудовище зашипело и отпрыгнуло, роняя хлопья пены из пасти. Из длинных ран тягучими струями вытекала бурая жидкость, а одно из ушей-барабанов болталось рваными лохмотьями.

Мьют припал на передние лапы, заревел, развернулся и бросился прочь.

Не успел Юрий осознать, что же именно произошло, как под потолком возник зеленый, кажущийся нестерпимо ярким светляком величиной с кулак, что-то тонкое захлестнуло грудь и сильный рывок вознес разведчика к темным небесам.

* * *

Из прямоугольного окна был виден край ажурной металлопластиковой арки с надписью «Рекреационные залы». Арка вздымалась настолько высоко, что, казалось, упиралась в яркое голубое небо. Когда-то маленький Юрий Гарин мечтал, что заберется на самый ее верх и сможет оттуда потрогать звезды, загорающиеся по ночам. Он тогда даже выучил кажущееся длинным для семилетнего мальчика число – пятнадцать тысяч сто двадцать три. Ровно такое количество звезд освещало Землю.

Сейчас звезд стало почти вдвое меньше. Они стали часто ломаться и перегорать. Заменить их было нечем, а чинить похожие на огромные стеклянные колеса устройства никто не умел. Кое-где не горели уже целые участки и днем на людей, вместо небесной синевы, взирали черные проплешины мрака. Ночью это не так сильно бросалось в глаза, но все с тревогой ожидали дня, когда погаснет последняя звезда, превратив Землю в подобие Изнанки.

Юрий любил свою небольшую комнату. Из его окна было видно чистое, без черных клякс небо, а ночью мерцали звезды. И несмотря на куриную ферму прямо возле дома с ее вечным кулдахтаньем и петушиными криками, оно того стоило.

Приглушенно хлопнула входная дверь и по коридору дробью застучали обутые в сандалии ножки. Разведчик торопливо завожился, приподнимаясь на кровати, облокотился замотанной бинтами спиной о подушку. Успел пригладить торчащий клочок волос, прежде чем дверь комнаты распахнулась, и внутрь ворвался пушистый бесенок.

– Дядя Юра! – звонко закричала шестилетняя девочка в простеньком льняном платье и бесцеремонно вскарабкалась на кровать. – Вот!

Сунула в лицо мужчине сшитую из лоскутов куклу с глазами-пуговицами и горбом-рюкзаком за спиной.

– Это – ты! – со смехом заявила племянница, мотая торчащими в разные стороны русыми кудрями.

– Похож, – улыбнулся мужчина, отстраняясь, чтобы лучше разглядеть игрушку. – А почему у меня так уши торчат?

– Потому, что так мама сшила!

– Валентина! – раздался строгий мужской голос и на пороге появился отец девочки. – А ну слезь с кровати!

– Пусть сидит, – разрешил Юрий, поднимая глаза на вошедшего. – Здравствуй, Леша.

– Здравствуй, брат.

Алексей Гарин был почти точной копией Юрия, разве что выглядел старше и грузнее. Такое же скуластое лицо с упрямым подбородком, такой же вечно нахмуренный изгиб бровей, такие же серые глаза. Такая же манера горбиться, словно в ожидании драки.

Все в братьях выдавало их «одно-родность» – прямое зачатие от отца и матери, до того они походили друг на друга несмотря на почти что пятилетнюю разницу в возрасте. Однако это впечатление было всего лишь плодом чудесного совпадения.

– Как себя чувствуешь? – глаза Алексея пробежали по повязкам разведчика. – Как плечо?

– Хорошо, – ответил Юра, с улыбкой наблюдая за племянницей. – И плечо почти разрабаталось. Сергей творит чудеса. Думаю, меня пора выписывать.

– Сам скажи.

– Он меня не слушает.

– И правильно делает.

– Смотри, дядя Юра, ты космонавт! – обратила на себя внимание Валя, рассекая тряпичным родственником воздух комнаты. – Ты улетел с Родины!

– Я – молодец, – откликнулся Юра, улыбнувшись девочке. Потом подался вперед и доверительным тоном сказал брату.

– Леша, я думаю, что нашел путь на капитанский мостик.

Алексей присел на плетеное кресло, положив ногу на ногу. Залез в карман комбинезона, вытащил маленькую плитку спрессованного табака и бросил себе в рот, слегка поморщившись от горечи. Сказал, рассеянно наблюдая за дочкой.

– Ты стал слишком далеко забираться, брат. И с каждым разом вытаскивать тебя все труднее и труднее. Большая удача, что Нил со Стасем успели тебя спасти.

– Я – разведчик, – напомнил Юра. – Это моя работа.

– Твоя работа – искать необходимые Земле вещи, – покачал головой Леша. – А ты вместо того, чтобы методично прочесывать ближайшие уровни, прешь напролом вглубь Изнанки, подвергая опасности себя и ребят.

– Я нашел химическое хранилище.

– Верно. Только вокруг кишмя кишат мюты и подобраться к нему нет возможности.

– Это пока.

– Согласен, – вновь кивнул Алексей. – Только нам результаты разведки нужны сейчас, а не в отдаленной перспективе.

Юра хмыкнул, откинулся на подушку. Он был в корне не согласен с братом. Что может быть важнее, пульта управления на капитанском мостике?

Тем временем Валентине надоело играть с куклой и она принялась разглядывать коллекцию принесенных из Изнанки артефактов древности, лежащих на полках высокого и узкого стеллажа. Она даже встала на цыпочки, чтобы лучше разглядеть старинные пуговицы, поломанные механические часы, неработающие средства связи, настоящий, пусть и немного обгрызенный, грифельный карандаш. Особенно девочку заинтересовала круглая жестяная коробочка с выцветшим рисунком пляшущих в забавном хороводе зверюшек. Валентина протянула руку, чтобы взять и рассмотреть ее поближе, но в последний момент замерла и повернула голову к дяде, вопросительно вскинув брови.

– Бери, не бойся, – разрешил Юрий, улыбаясь. – Только открывай осторожно.

Валя аккуратно взяла коробочку и стало слышно, как внутри что-то зашелестело, пересыпаясь. Девочка уселась на край кровати и принялась с интересом рассматривать рисунок. Спросила:

– Это мюты?

– Нет, это животные с Родины, – Юрий принялся показывать пальцем. – Вон тот, серого цвета, волк. Эта, с пушистым хвостом – лиса. А вон, с колючками на спине, енот... Хотя, я могу что-то путать.

Валя обхватила пальцами крышку и попыталась снять. Та не поддавалась. Тогда девочка напряглась, заелозила, надула щеки от натуги.

Коробка открылась с легким выдохом и в разные стороны разлетелись разноцветные, похожие на бабочек, бумажки. Воздух наполнился запахом сладкой ванили и еще чем-то неуловимо приятным.

– Ой! – только и смогла сказать Валя, наблюдая, как фантики от давно съеденных конфет покрывали ее колени, одеяло и пол.

– Говорили же, осторожнее, – с укором сказал Алексей дочери.

– Ерунда, – отмахнулся разведчик.

– А что это? – спросила девочка.

– Это фантики, – попытался объяснить Юрий. – Обертки от конфет.

– От конфет? А кто их собрал?

Валя подняла одну бумажку и повертела перед глазами. С удовольствием понюхала.

– Не знаю, – честно признался Юрий. – Наверное, такая же девочка как ты, только это было очень давно.

– Вкусно пахнут, – девочка принялась собирать фантики обратно, тщательно разглядывая и обнюхивая каждую обертку. Мужчины некоторое время наблюдали за ней, думая каждый о своем.

– Таких сейчас больше не делают, – с плохо скрываемым сожалением произнес Юрий.

– Жаль, – тихо откликнулась племянница.

Разведчик подобрал ноги, чтобы Вале было удобнее сидеть, перевел взгляд на брата. Тот словно этого и ждал.

– Авдеев решил временно свернуть дальнюю разведку, – сказал Алексей. – Основные силы нужны на нижних ярусах.

– Опять на месте топтаться? – хмуро заметил Юра. – Что на это сказал Кизим?

Брат с досадой махнул рукой, словно ответ был очевиден.

– Конечно, он против, – понял его Юра. – Без дальней разведки мы обречены.

– Мы обречены без медикаментов, без запчастей для генераторов и многого другого. – Алексей чуть повысил голос, придавая словам убедительности. – Все чаще выходят из строя самые необходимые механизмы и узлы, а чинить их все сложнее. Полина на днях сказала, что почва практически выдохлась, а значит, скоро упадут урожаи. Не хватает фильтров, не хватает соли, бумаги, да много чего. Наши запасы практически истощились за столько лет. Необходимо предпринимать радикальные меры.

– Оставлять попытки продвинуться вглубь Изнанки и начать окапываться – это не те меры, которые стоит принимать. На исследованных уровнях слишком сыро, там все гниет или уже сгнило. Нам наоборот, необходимо поднажать и отбить у Изнанки новые территории. Там, – Юра указал рукой за окно. – Там мы найдем и медикаменты, и запчасти, и соль с бумагой. А если доберемся до мостика, то, наконец, сможем завершить то, ради чего мы здесь.

Алексей поджал губы и вздохнул, как он делал всегда, когда считал, что брат опять не понимает простых истин. Сказал мягко и спокойно, как ребенку.

– Юра, порой мне кажется, что мостик – это всего лишь миф, красивая сказка. Как и космос за этими стенами, как и Родина, которая ждет нас где-то там, в другом мире. А иногда я и вовсе думаю, что вряд ли есть еще что-то, кроме нашего умирающего неба, наших ржавеющих металлических сводов и многослойных уровней Изнанки по ту сторону шлюза.

Он посмотрел на дочь, которая собрала в кучу все фантики и с упоением вдыхала ароматы неизвестного ей мира.

– А мне нужно заботиться о Вальке, – с каким-то упрямством произнес Алексей. – И о Полине. Нас тут и так мало осталось, чтобы гибнуть в поисках глупой сказки.

Юра хотел было в сердцах возразить, задавить аргументами, высмеять эти нелепые страхи, но промолчал, увидев в глазах Алексея неподдельную тревогу. И вместо едких замечаний сказал почти ласково:

– У нас не получится сидеть здесь вечно, Леша. Изнанка наступает, уплотняется. Ходить в разведку становится труднее. Появляется все больше новых мьютов и они уже не те тупые создания, что были десять, двадцать лет назад. Они учатся. Поэтому, рано или поздно, но нам все равно придется выходить в неизвестность. А не нам, так нашим детям. Подумай об этом.

Брат горько усмехнулся. По нему можно было понять, что он не ждет от будущего ничего хорошего.

Когда он вдруг стал таким? Это же был Лешка Гарин, мечтатель и сорвиголова. Именно он притащил Юрку к Волкову, в кружок юных разведчиков. Именно он без конца рассказывал истории о бесстрашных предках-космонавтах, про Аварии и про бескрайний Космос за границей мира. Где теперь тот парень? Куда все это делось?

– Ладно, – решил сменить тему Юра. – Поживем – увидим. Как только Сергей разрешит вернуться к работе, так переговорю и с Волковым, и с Авдеевым. Посмотрим, какие они предложат варианты.

– Я как раз по поводу работы... Валя, собирай все, что раскидала, пора за мамой идти!

– Что по поводу работы? – переспросил Юрий.

– Сергей сказал, что тебе придется восстанавливаться еще какое-то время, пока не окрепнут мышцы и сухожилия. Так что в разведку тебе пока рано. Зная, как ты изнываешь от безделья, хочу попросить тебя провести несколько уроков в школе.

Разведчик удивленно поднял брови.

– Уроки в школе? – переспросил он. – Да ну, какой из меня учитель.

– Это ненадолго, на пару недель, пока Ирина не вернется. Детям будет полезно пообщаться с кем-то, кто ходил в Изнанку.

«Уж не затем ли, чтобы увидели насколько там опасно?» – чуть было не съехидничал Юрий, но промолчал, а Алексей, приняв его молчание за согласие, удовлетворенно произнес:

– В общем, материалы я тебе принесу, считаешь. Ничего для себя нового не откроешь, но память освежить нужно. Ладно, пора нам... Валентина, идем! Все, брат, выздоравливай. Я завтра зайду.

Он подождал, пока племянница чмокнет дядю в щеку, помахал на прощание рукой.

Когда родственники ушли, Юрий еще какое-то время глядел на глянцевую поверхность двери, обдумывая слова брата. Хорошо, если Алексей рассуждал о свертывании глубинных разведок в Изнанку как обыватель, а не как советник Штаба. Потому что в противном случае становилось понятно, что именно будет предметом споров на ближайшем заседании Штаба. Пока что Авдееву из технического корпуса противостоят Кизим с учеными и Волков, командир разведчиков. Только вот чью сторону примут представители промышленного, аграрного и медицинского корпусов? Или те же военные, которым все труднее и труднее сдерживать атаки мьютов? В любом случае, нужно быстрее поправляться и завершать начатое.

Ну а пока, что же, можно и учителем поработать.

* * *

– Настал час, когда человечество, наконец, осознало масштабы надвигающейся катастрофы. Энергетический кризис, перенаселение, ухудшающаяся экология и социальные потрясения – вот плата за безрассудство и легкомыслие. Люди засиделись в своей колыбели, она стала слишком мала и теперь разваливалась на куски.

Трескучий голос из динамиков был наполнен тревогой и скорбью. Под его аккомпанемент на электронной доске кружилось изображение висящего в черной пустоте голубого шара с простым орнаментом континентов. Сейчас Юрий знал, что это всего лишь компьютерная графика, но в свое время, когда им впервые демонстрировали эту запись на уроке Родины, он изо всех сил старался рассмотреть под пеленой облаков людей.

Мужчина перевел взгляд с экрана в класс, где мерцающий свет выхватывал из полумрака лица детей. На некоторых читался испуг, на некоторых – любопытство. Были и те, кто открыто скучал. Должно быть, они уже видели эту запись. Либо же... Либо такое оно, новое поколение.

Заиграла бравурная музыка, Юрий вновь повернул голову к экрану. Начиналась его любимая часть.

Голос диктора изменился, стал торжественным и волнующим.

– ... И тогда было принято решение послать экспедиции на поиски новых миров, способных дать приют человечеству.

На экране от планеты в разные стороны начали разлетаться маленькие, похожие на продолговатые бобы космические корабли. Камера уцепилась за один, стала стремительно приближаться, еще и еще, пока тот не заполнил собой все пространство. Пролетела над серой стальной поверхностью, выхватывая сегменты обшивки. Нырнула под корпус и воспарила прямо под ярким синим небом из тысяч ламп. Под которым, среди зеленых рекреационных полей, медицинский барак и технический верфей, деловито сновали по своим делам кажущиеся крохотными люди.

– Ковчеги, корабли поколений, флагманы колонизации, бесстрашные покорители звездных просторов! – прогремел голос. – Достойные продолжатели славных традиций первых героев-космонавтов!

По экрану фоном поплыли знакомые каждому лица духовных покровителей, чьими именами называли детей – облаченные в громоздкие скафандры Терешкова и Леонов, строгие Армстронг и Титов. Последним выплыло изображение ослепительно улыбающегося Гагарина.

– Именно вам выпала эта светлая и важная миссия! Именно вы – надежда человечества!

Картинка вновь сменилась. Теперь с экрана в класс смотрели добрые глаза пожилой женщины, заботливые и понимающие. Глаза любящей матери.

Камера отъехала назад. Стало видно, что волосы женщины убраны под косынку, одета она в простое платье и прижимает к груди трепещущий под несильным ветерком платочек. А за ее спиной, до горизонта, расстилается бескрайнее поле с желто-белыми цветами.

– Теперь вы – наши герои! Вы – наш последний шанс на выживание! Вы шагнете за горизонты пространства! Отыщите новый дом и водрузите над ним знамя неслгибемого человеческого духа!

Экран потемнел, но последним штрихом его пересекла надпись, продублированная голосом диктора:

– И помните: Земля всегда будет ждать своих детей.

Когда зажегся свет, по классу пролетел возбужденный шепот. Под гомон голосов Юрий вернулся за свой стол и окинул взглядом учеников.

Их было чуть больше дюжины, почти вдвое меньше, чем когда-то в классе Юрия. Все возрастом от десяти до двенадцати лет. Четверо отличались болезненной бледностью и худобой, двое из них периодически пользовались ингаляторами. Остальные, в целом, вполне крепкие и здоровые дети, но с каждым поколением их становилось все меньше и меньше. Все же, как ни пытался Штаб требовать соблюдения деторождения от генетически разных родителей, полностью избежать кровосмешений не получалось.

Юрий поднял руку, призывая к тишине. Дети нехотя, но подчинились.

– Наш корабль стартовал вторым, – разведчик взял в руки легкий макет ковчега из папье-маше и поднял его повыше, чтобы было видно всем детям. – В полет отправились самые лучшие, самые достойные представители Родины и мы являемся их прямыми потомками. Наш корабль необычайно огромен, внутри он разделен на многоуровневые палубы, заполненные всем необходимым для длительного полета. Мы должны были найти пригодную для жизни планету и основать на ней колонию, после чего послать сигнал на Родину. Но потом... Кто скажет, что случилось потом?

Поднялось сразу несколько рук. Еще бы, вопрос из простейших.

Юрий указал на худого мальчика, сидящего за второй партой.

– Петр.

– Случилась Авария! – выкрикнул мальчик.

– Правильно, – кивнул Юрий. – А кто скажет, сколько лет назад это произошло?

Рук оказалось значительно меньше.

Гарин выбрал для ответа полную девочку в очках.

– Да, Надя, пожалуйста.

– Двести пятьдесят три года назад, – без сомнения отчеканила ученица.

– Верно, – Юрий вновь взял в руку макет, указал на него пальцем. – Двести пятьдесят три года назад произошла Авария, разделившая наш корабль на две половины – на Землю и на Изнанку.

Юрий попеременно коснулся двух сторон макета.

– На Земле живем мы, люди. Так вышло, что у нас осталась большая, кормовая часть корабля. Здесь расположены склады и мастерские, медицинские блоки и зоны с живой природой. Благодаря этому мы все существуем.

Гарин положил макет на стол и уперся руками о столешницу.

– Изнанку населяют мьюты, – он обвел взглядом класс. – Мутировавшие животные и растения. Как вы знаете, Изнанка начинается по ту сторону главного шлюза и там всегда царит полная темнота.

– Мьюты страшные? – пискнул кто-то несмело.

– Некоторые мьюты очень опасны и хитры, – не стал врать разведчик. – Они представляют большую опасность для всех, кто идет в Изнанку. Именно поэтому у нас есть разведчики, которых специально готовят к работе по ту сторону шлюза.

– А зачем туда ходить, если там опасно? – задал вопрос рыжеволосый мальчик в куртке «на вырост».

– Дурак что ли? – повернулась к нему девочка в очках и возмущенно покрутила пальцем у виска. – Там же запчасти!

– Тихо, – успокоил школьников Гарин. – Надежда верно подметила, что разведчики приносят из Изнанки необходимые нам детали для машин и аппаратуры, ткани, консервы, медикаменты и другие полезные предметы. Это позволяет нам экономить запасы, многие из которых, увы, невозполнимы. Но есть и еще одна причина, которая толкает нас на ту сторону шлюза.

Он сделал многозначительную паузу, прошелся вдоль стола.

– Вы же помните, о чем говорилось в фильме? – он ткнул себе за спину пальцем, на потухший экран. – Про то, зачем мы здесь и какая перед нами стоит задача? Мы должны найти новый дом для оставшихся на Родине людей. На нас надеются, в нас верят. Нас ждут. Но мы пока не можем выполнить свою миссию по той причине, что наш корабль остался без управления, которое осуществлялось с капитанского мостика. А мостик, как вы знаете, остался там, в глубине Изнанки. И добраться до капитанской рубки нам до сих пор не удалось.

Дети вновь зашумелись, возбужденно обмениваясь репликами.

– А мой папа сказал, что все это ерунда, – с вызовом произнес мальчик по имени Рид, кажущийся на первый взгляд самым старшим в классе. – Он сказал, что Родина и космос – это сказки, чтобы дурачить мозги простым людям.

– Мне папа рассказывал, что наша Земля – это и есть весь мир, – поддакнула девочка в комбинезоне. – Кроме нее ничего другого нет.

Тут дети сами затихли, внимательно глядя на своего учителя.

Юрий снисходительно улыбнулся и покачал головой.

– Наш корабль, как бы он велик не был, всего лишь маленькая песчинка в огромном космосе, полным звезд и планет. Об этом написано в книгах предков, об этом говорят фильмы и данные из инфоцентра...

– А вы сами видели космос? – Рид непочтительно перебил учителя, хитро прищурившись.

– Нет, не видел...

– Так я и знал! – хлопнул ладонью по столу маленький оппонент Гарина. Жест вышел уж слишком взрослый, явно подсмотренный у родителя.

– Дело не в этом, – терпеливо возразил Юрий. – Есть разные документы и научные труды. Их, правда, сохранилось немного, но мы из поколения в поколение передаем друг другу эти

знания. К тому же, у нас есть люк, через который можно выйти в космос. Сейчас он тщательно опечатан...

– Ага! – воскликнул мальчик, словно вновь поймал его на лжи.

– Но нам известно, что люди жить в космосе не могут, – не обращая внимания на возглас, продолжил Гарин. – Там нет воздуха. Для выхода нужны специальные костюмы, которых у нас нет. Именно поэтому люк запечатали, дабы туда не полезли любопытные.

– Так может, за люком и нет ничего! – подали голос с задних парт, подхватывая навязанную спорщиками игру. – Может, и капитанского пульта управления никакого нет!

Юрий понял, что увязает в глупом и бессмысленном диспуте. Он никогда не стремился быть учителем и сейчас не имел никакого желания спорить с детьми. Когда он впервые вошел в класс неделю назад, то сразу же завладел вниманием учеников. Еще бы, не каждый день им вел уроки настоящий разведчик. Да и сам по себе Гарин выглядел довольно колоритно – крепко сбитый, широкоплечий, на руках и мускулистой шее – белые линии застарелых шрамов. Из-под низко опущенных бровей смотрели холодные серые глаза. Голову венчал короткий ежик светлых волос. Иногда ворот свободной рубашки топорщился, и дети могли разглядеть медицинскую повязку на плече, лежащую поверх какой-то раны. Впрочем, что это именно за рана ученики додумывали сами – Юрий, несмотря на все просьбы, отказался комментировать.

Возможно, работай Гарин в школе дольше, то смог бы убедить этих испорченных взрослым скепсисом ребят, смог бы зажечь в них искру здорового авантюризма, смог бы объяснить всю важность возложенной на них миссии.

Но сейчас... Сейчас мысли Юрия были заняты другим. Более важным, как он считал.

– Послушайте меня, – сказал он своим привычным холодным голосом, который вмиг пресек все разговоры в классе. – Вам, в отличие от ваших родителей, еще свойственно обычное детское любопытство. Пользуйтесь этим, находите ответы на вопросы. Исследуйте все вокруг себя. И тогда, рано или поздно, вы поймете, кто из нас был прав. До тех пор мои слова – единственная доступная вам истина. На этом прервем наш урок до завтра. Всем спасибо и до свидания.

Разведчик опустил взгляд на наручные часы и поморщился. Он не любил опаздывать.

* * *

Нил встретил Юрия возле уходящей к небесам стены технической мастерской. Старый разведчик кивком головы поприветствовал Гарина и зашагал рядом, заложив жилистые руки за спину. На нем был затертый комбинезон с нашитыми карманами и петлями, на поясе в чехле висел традиционный длинный нож разведчиков.

– Спасибо, что вытащили, – поблагодарил товарища Юрий.

– Не за что, – прохрипел Нил.

Его шею пересекал уродливый шрам, оставленный несколько лет назад зубами мьюта. С тех пор голос Нила стал похож на скрежет старого механизма, шестеренки которого покрывал песок.

– Как вы меня нашли? – Юрий посмотрел на сухопарого разведчика.

– Стась наткнулся на твой рюкзак возле пролома, – кадык Нила дернулся среди рубцов. – Остальное случайность.

– Не случайность, – Юрий кивнул проходящему мимо знакомому из научного корпуса. – Ты знал, что я буду искать ориентиры. Мы слишком давно с тобой работаем, чтобы понять ход мыслей друг друга.

Нил промолчал, лишь слегка улыбнулся.

Они свернули в узкий проулок под решетчатыми техническими мостками. Прошлепали по небольшой луже, вытекающей из залатанной трубы. Рядом возился чумазый работяга с ремонтным чемоданчиком.

Проулок кончился и мужчины вышли к приземистому трехэтажному зданию «Корпуса разведки», украшенному по периметру широкими кадками с низкорослыми вишневыми деревьями. Напротив входа, в центре ухоженного газона, высилась металлическая стела, похожая на готовую к запуску ракету. На ней, опускаясь к самой земле, располагались узкие таблички с именами разведчиков и датами их гибели.

От небольшой группы молодых людей отделился стройный черноволосый парень с живым улыбочивым лицом и быстрым шагом направился навстречу Юрию и Нилу. Молодежь, с которой он только что беседовал, проводила парня взглядом, увидела приближающегося Гарина и их глаза красноречиво заблестели.

– Разболтал уже, – пробурчал Юрий.

– Привет! – помахал, приблизившись, парень. – Опаздываете.

– Здравствуй, Стась, – Гарин ответил на приветствие. – Чего ты опять про меня насочинял?

– Чего сразу «насочинял»? – Стась изобразил обиженную невинность. – Я говорю только правду.

– Он все уши прожужжал о твоей схватке с мьютом, – пояснил Нил.

– Почему нет? – искренне удивился Стась. – Не каждый сможет выйти победителем из схватки с такой громадой.

– Я его не победил, – Юрию стало неловко под откровенно изучающими взглядами.

– Ты остался жив, – резонно заметил парень. – Это уже немало.

Нил криво ухмыльнулся, по-своему соглашаясь с товарищем. Юрий лишь терпеливо вздохнул.

Они прошли мимо затихшей молодежи. Стась тайком, как он думал, показал им пальцем на мрачного Юрия и уважительно покачал головой. Гарин еле сдержался, чтобы не отвесить ему подзатыльник.

В холле корпуса разведки было прохладно, еле слышно гудели под потолком вентиляторы системы воздухоочистки. На серых пластиковых панелях, из которых собирали практически все жилые и административные здания Земли, яркими пятнами выделялись цветные репродукции видов далекой Родины, стенды с фотографиями и информационными листами.

За полукруглым столом, закрытый монитором старенького компьютера, сгорбился дежурный с красной нарукавной повязкой. Он поднял глаза на вошедших и торопливо выпрямил спину, придав лицу сосредоточенный вид. Желто-серый комбинезон выдавал в нем курсанта.

– Здравствуйте, Юрий Алексеевич, – дежурный приподнялся, когда троица подошла ближе. – Как ваше здоровье?

– Здравствуй, – Гарин не знал имени молодого разведчика. – Здоровье хорошо, спасибо. Совещание уже идет?

– Да, уже двадцать минут как.

– А я говорил, что опаздываем, – громким шепотом напомнил Стась.

– Где? – спросил у дежурного Юрий, пропустив слова парня мимо ушей. – У Волкова?

– Нет, в конференц-зале.

Гарин кивнул, принимая информацию, и пошагал в сторону двойной двери, ведущей во внутренние помещения. Нил и Стась последовали за ним.

Когда-то здание корпуса казалось Юрию огромным. Он долго не мог понять как на трех этажах, пусть и с подземным уровнем, помещались учебные классы, спортивный зал, кабинеты

командиров и оружейная мастерская. Во внутреннем дворе располагался небольшой садик со скамеечками и декоративным фонтанчиком.

Это сейчас, при взгляде узкие закольцованные коридоры и на ютящиеся вплотную друг к другу помещения становились видны истинные, довольно небольшие размеры корпуса. Когда-то это здание именовалось «Блоком физической и психологической разрядки», служило для занятий спортом и медитаций летящих на ковчеге людей. Потом случилась Авария и первые разведчики организовали здесь свой штаб.

– Юра, – Стась догнал Гарина и пошагал рядом. – Ты можешь поговорить с моим братом?

– А в чем дело?

– Да они решили ребенка заводить, а Пашка не хочет идти в криохранилище. Говорит, что хотят сами зачать, без чужих «головастиков». Ему, видите ли, хочется быть с ребенком «одно-родным».

Юрий хмыкнул. Не новая проблема.

Когда ковчеги отправляли к далеким мирам, то каждый оборудовали довольно обширными банками спермы – криохранилищами. Это должно было спасти генофонд лучших представителей человечества, а также уберечь будущих колонистов от неминуемого кровосмешения.

На Земле многие семьи прибегали к искусственному оплодотворению замороженными «головастиками» из криохранилища, заводя «вне-родных» детей. В корпусе медицины даже был целый информаторий, в котором каждый желающий мог проследить свое родство, чтобы не допустить опасного смешения генов.

Однако время от времени находись мужчины, которые болезненно воспринимали перспективу воспитания ребенка, зачатого не от них. Они либо не воспринимали всерьез проблемы, связанные с возможным инцестом, либо были слишком самовлюбленными.

– Хорошо, поговорю, – согласился помочь Юрий. – Ты мне только скажи, когда он дома будет.

Они прошли мимо приоткрытой двери зала ножевого боя. Внутри, на полу из упругой резины, тренировались будущие разведчики. Они пока еще неумело насакивали друг на друга, сжимая в руках учебные ножи, пытаясь повторить то, чему их обучал инструктор Эрик Бу. Сам преподаватель, невысокого роста мужчина с обезображенным шрамами лицом, упражнялся в дальнем углу с манекеном. Его движения были плавными и стремительными, а напор таким мощным, что насаженная на стальную трубу деревянная чушка с торчащими в разные стороны «ногами» и «руками» гнулась в разные стороны и с шумом прокручивалась вокруг своей оси. Мелькающий нож рисовал вокруг инструктора отливающие сталью полосы, от стука металла о дерево в воздухе стоял непрерывный гул.

Гарин никогда не мог в совершенстве овладеть премудростью боя на ножах. Призванные выжить в окружении быстрых и опасных мьютов, разведчики старались подражать, а то и превосходить своих противников. Они делали ставку на скорость и точность ударов, на быстроту движений и частоту смены векторов атаки.

Юрию, с его габаритами, было трудно держать нужный темп. Он, конечно, старался соответствовать званию одного из лучших учеников старого Эрика, но все больше и больше полагался на сильные и разрушительные удары, чем на легкие, но частые уколы.

Мужчины поднялись на третий этаж, прошли мимо окрашенного в красный тамбура, за которым располагались кабинеты командования корпуса, и остановились возле конференц-зала. Из-за непрозрачного пластика доносились приглушенные голоса, среди которых Юрий безошибочно узнал густой бас Волкова.

Гарин коротко постучался костяшкой пальца и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь, входя внутрь.

– Здравствуйте. Разрешите присутствовать? – Юрий остановился на пороге и окинул взглядом зал.

В полупустом зале с рядами стульев и выключенным экраном-проектором расположились три человека.

Опершись рукой о лекторский стол, возвышался над всеми Владислав Волков. Рано посевший командир корпуса разведки, несмотря на свой достойный возраст, по-прежнему обладал могучей фигурой. В своем простом черном комбинезоне с серебристой командирской звездой на плече он словно олицетворял собой те качества, которые заставляли мальчишек записываться в разведчики – смелость, стойкость и целеустремленность.

Напротив него, положив ногу на ногу, сидел хрупкого телосложения Леонид Кизим, глава научного корпуса. Близкий друг Волкова, он являл собой полную противоположность разведчику – худой, с острыми чертами лица и плавными движениями. На длинном носу восседали круглые очки в тонкой оправе.

Третьим, к вящему удивлению Юрия, был Роберт Криппен, помощник коменданта технического корпуса. Гарин несколько раз видел его в Штабе, где Роберт и еще несколько человек из команды Авдеева отстаивали интересы техников. Этот полноватый мужчина всегда выглядел добродушным и приветливым, хотя, судя по тому, что о нем говорили, человек он был жесткий и принципиальный.

– Наконец-то, – покачал головой Волков, хмуясь. – Опаздываете.

– У меня были уроки, – ответил Гарин. – Я не мог уйти раньше.

Нил и Стась промолчали, давая понять, что они не могли явиться без товарища.

– Хорошо, проходите, – не стал развивать тему командир разведчиков и указал на свободные места. – Как себя чувствуешь, Юра?

– Отлично. Готов к работе.

– Это радует, – искренне улыбнулся Волков. – Присаживайтесь.

После обмена рукопожатиями, мужчины устроились в мягких креслах и замерли, готовые слушать.

– Итак, – командир разведчиков откашлялся, – Мы здесь обсуждали ваши доклады по крайнему походу в Изнанку. И, прежде, чем начнем задавать возникшие вопросы, я попрошу вас рассказать все еще раз. Чтобы, так сказать, из первых уст.

Гарин был готов к этому, потому еще утром постарался восстановить в памяти события тех дней, усердно выуживая показавшиеся важными детали. Он кивнул командиру, вытащил листы с записями и начал свой рассказ. В нужные моменты его дополняли Нил и Стась, повествуя о своих похождениях.

Собравшиеся слушали, не перебивая, внимательно. Кизим изредка делал пометки в блокноте, хмуя лоб, а Волков задумчиво вертел в пальцах старинную монету, с которой никогда не расставался. Лишь Криппен казался чуть отстраненным, но Юрий был уверен, что техник прислушивается ко всему сказанному.

Рассказ вышел не очень долгим. По сути, из двухдневного похода заслуживающими внимание оказались лишь три вещи – найденная подсобка с хорошо сохранившимися бухтами толстого электрокабеля, новый вид мюта и та самая дверь, из-за которой Юрий провалился на нижний уровень.

– Что ж, спасибо, – поблагодарил Волков, когда Гарин закончил. – Кратко, четко и по делу.

Командир убрал монету в нагрудный карман и, сложив руки на груди, обратился к коллегам:

– Ну, какие были вопросы? Леонид?

– Да, спасибо, – Кизим поправил очки и поднял глаза на Гарина. – Юра, можно поподробнее об этом новом мюте. Почему ты решил, что он новый, а не просто более крупная особь?

– Уж поверьте, на мьютов я насмотрелся, – заверил ученого разведчик. – Даже если та тварь, что я встретил, не новый вид, то уж точно более крупная и сообразительная. У нее совсем иные повадки, совсем иные методы охоты. И морда отличается от других – совсем нет глазных впадин, одна сплошная кость. И шкура, как я понял, стала намного толще. Мой нож еле справлялся.

Леонид хмыкнул, а Волков удивленно цокнул зубом – уж он-то знал о боевых качествах Гарина. И если тот не смог прирезать чудовище, то значит, мьюты действительно научились наращивать дополнительную броню.

– Звучит тревожно, – признался ученый. – Но почему ты решил, что он – часть вида, а не одиночная жертва мутации?

– На том уровне вообще заметны повсеместно прогрессирующие изменения, – уверенно ответил Юрий. – Поэтому я склонен полагать, что та тварь – лишь одна из многих. Более того, я уверен, что на нижних уровнях зреет новое поколение мьютов, которое скоро начнет представлять реальную угрозу для Земли.

– Это плохо, – вздохнул Кизим, закрывая блокнот.

– Леонид, – вставил Волков. – Помнишь, я говорил тебе об участвовавших в нападениях на разведчиков? Фауна и флора Изнанки с каждым годом все агрессивнее и агрессивнее

– Я помню, – ученый поднял глаза на Владислава. – И меня настораживают такие темпы развития Изнанки. Она словно готовится выдавливать нас отсюда всеми доступными силами. А та информация, что принес Юрий, доказывает насколько мы не готовы к этому, насколько постыдно мы отстаем в исследованиях.

Волков понимающе кивнул и Кизим продолжил, вновь повернувшись к Гарину.

– Сможешь завтра придти к моим топографам и еще раз повторить свой маршрут? Нам надо выяснить, что именно является причиной столь форсированной мутации.

– Без проблем, – уверил ученого разведчик.

– Спасибо. Там еще поговорим, – Кизим откинулся на спинку кресла, давая понять, что свою часть он закончил.

Дальше вопросы задавал Волков, и они больше касались пунктов задания – как добраться до подсобки с кабелями, зарос ли восточный выход в одичавший дендрарий, не отступила ли вода из затопленных туннелей. Разведчики отвечали, а Юрий все ждал того самого вопроса, который не давал ему спокойно спать вот уже несколько дней. Возможно, командир не хотел раскрывать все карты в присутствии молчащего в соседнем кресле представителя корпуса техников? Тогда зачем позвали Криппена на совещание?

Когда он уже решил, что вопросы иссякли и беседа подошла к концу, Волков, по своему обыкновению шагающий во время совещаний взад-вперед по залу, остановился напротив него.

– А теперь, Юра, расскажи нам про ту самую дверь, которая так всполошила здесь кое-кого.

От Гарина не скрылся чуть насмешливый взгляд, который Волков бросил в сторону Криппена.

– Дверь, – собираясь с мыслями, повторил Гарин. – После того, как мы вылезли из шахты коммуникации, я чисто случайно забрался в разрушенный зал... Влад, я могу на карте показать, где именно!

– Покажешь, – заверил его Волков. – Так что за дверь?

– На самом деле там две двери, – Юрий подался вперед, облокотившись о колено. – По обе стороны коридора. Одну заклинило – там стену перекосило, но вторая целехонькая, только заварена по контуру.

– Заварена? – переспросил Кизим.

– Ну да. Должно быть контактной или газовой сваркой.

Ученый построил недоуменную гримасу, посмотрел на Волкова. Тот пожал плечами.

И тут впервые за все время подал голос Криппер. Он поднял вверх полную ладонь, привлекая внимание, словно ученик на уроке. Сказал своим мягким и тихим голосом:

– А почему, Юрий, вы решили, что эти двери ведут на капитанский мостик? Судя по вашему рассказу, любоваться дверьми у вас времени не было?

– Верно, я почти сразу же провалился вниз, – не стал спорить Гарин. Ему не понравился тон техника, но Юрию было что ответить.

– Несмотря на это у меня хватило времени, чтобы разглядеть на стене остатки красной полосы и надпись «Палуба «А»», – продолжил он. – А еще маркировку на двери – «СУ». То есть «Сектор управления». Вам пояснить, что это значит, Роберт?

Возможно, он слишком едко сказал последнюю фразу, но либо техник пропустил это мимо ушей, либо предпочел не пикироваться. Криппер удовлетворенно покачал головой, потер лоб, словно расправляя морщины. Задумчиво протянул:

– Нет, не нужно, спасибо.

– Ну? – неожиданно звонко хлопнул себя по ноге Волков. – А я что говорил? По схемам местоположение тоже совпадает.

– Тем схемам двести лет, Влад, – посмотрел на Волкова Криппер. – И не думаю, что они у вас в лучшем состоянии, чем у нас.

– За это время мостик вряд ли переехал куда-то в другое место, – заметил Гарин.

– Если верить схемам, мостик сильно далек от места, где вы, уважаемый Юрий, попали на нижний сектор, – улыбнулся ему Роберт.

– А я и не говорил, что мостик прямо за дверью, – парировал разведчик. – Я лишь сказал, что за дверью путь на мостик.

– Если это единственная уцелевшая дверь на палубу «А», – вмешался Кизим, – То за ней действительно сектор высшего офицерского состава. Навигационная, оружейная, радиорубка и исследовательский блок. А также мостик капитана с пультами управления.

– И мы, наконец, сможем порулить! – раздался из-за спины взволнованный голос Стася.

Все замолчали и посмотрели на смутившегося парня. Потом Волков спокойным голосом сказал:

– Да. У нас появится шанс изменить ход истории.

Он посмотрел на Криппера, словно ожидал от того каких-то важных слов или решения.

Юрий не понимал в чем дело. Судя по всему, между командиром и Криппером был какой-то неразрешенный спор, который мог завершиться прямо сейчас. Так кому в актив пошла информация о найденной двери?

Роберт, наконец, развел руками, словно признавал свою неправоту. Он как обычно улыбался, но на сей раз, улыбка вышла грустной.

– Я все равно ничего не успею сделать, – наконец сказал он извиняющимся тоном.

– Роберт! – прогремел Волков. – Надо успеть. Ты же видишь, что стоит на кону.

– О чем речь? – с нарастающей тревогой спросил Гарин.

– Роберт, – Волков, словно не слышал своего подчиненного, сверлил взглядом опустившего голову Криппера. – Мы сможем все изменить. Мы сможем повлиять...

– Я буду настаивать на отложении решения, – вставил ученый.

– Объясните в чем дело! – повысил голос Гарин, понимая, что упускает нечто важное.

Ответил Кизим, как всегда спокойный и уравновешенный.

– На следующей неделе экстренное совещание Штаба. Иницируют Авдеев и Кубасов со своими землекопами.

– Причина? – спросил Юрий.

– Сквозь шлюзы опять прорвались мюты. Уничтожили часть урожая и сильно покусали трех работниц сортировочной. Как ты знаешь, это уже не первый подобный случай. Хорошо, что на сей раз не утащили ребенка.

– Кубасов в ярости, – добавил Волков. – Они с Авдеевым выступят единым фронтом.
– Выступят за что? – холодея, спросил Гарин, догадываясь, о чем речь.

– За изоляцию, – просто сказал Криппер. – За бессрочную консервацию шлюзов. Все силы бросят на обеспечение безопасности и жизнедеятельности Земли. Про Изнанку можно будет забыть.

За спиной Юрия возмущенно заговорили Нил и Стась, ругая последними словами Авдеева с его идеей. Их никто не останавливал.

Но Гарин не хотел сдаваться.

– Но теперь, то мы так близко к мостику! – он ударил ладонью о ладонь. – Это же все меняет! Если им рассказать...

– Им рассказали, – криво ухмыльнулся Волков. – Лично относил ваши отчеты.

– И что? – вопросительно уставился на него Юрий.

– Ничего. Авдеев непреклонен, а Кубасов даже слушать ничего не стал. Самое поганое, что с ними медицинский корпус. Это уже серьезный перевес голосов.

– А Купер? – ухватился за последнюю надежду Гарин.

– Промышленники пока колеблются, – ответил командир, но по его лицу было件нятно, что ничего хорошего ожидать не стоит.

– Я попробую с ними переговорить, – сказал Кизим. – Но ничего не обещаю. Купер – сложный человек.

– Ты главное попробуй, – кивнул Волков и посмотрел на техника. – Роберт, тебе точно никак не повлиять на своего начальника?

Криппер покачал головой.

– Таких, как я, в нашем корпусе меньшинство, – он поднял лицо. – Но я попробую.

Юрий откинулся на спинку кресла, сжимая кулаки. Недавний разговор с братом внезапно приобрел вполне конкретное продолжение. Но кто бы мог подумать, что события будут развиваться столь стремительно.

– И что мы будем делать, если Штаб примет решение о закрытии шлюзов? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вздых Волкова был более чем красноречивым.

– Мы будем вынуждены принять такое решение, как бы нам ни хотелось. Постановление Штаба – закон, обязательный для всех без исключения.

Гарин и сам это прекрасно знал. Но, право дело, так хотел услышать что-то иное.

Но и сидеть, сложа руки, он не мог.

– Я попробую прорваться на мостик до совещания, – твердо сказал Юрий. – Если получится, то Штаб примет нашу сторону.

– Мы не знаем, что там, на тех уровнях, – сказал Кизим, внимательно разглядывая Гарина. – Именно там эпицентр Аварии. Не зря же дверь заварили снаружи.

– У нас на исследование одной палубы уходят месяцы, – добавил Волков. – Тебе придется пройти уровень за неделю-полторы.

– Мы справимся, – отрезал Гарин.

– Даже если опоздаем, и шлюзы закроют, мы не вернемся, пока не отыщем мостик! – в чувствах воскликнул Стась.

Кизим снисходительно улыбнулся, а командир разведчиков неодобрительно покачал головой – он не любил отправлять своих людей на заведомо невыполнимые задания, особенно если они горели излишним оптимизмом. Однако, и он это понимал, иного выхода действительно не было.

– Ладно, – принял решение Волков. – Поступим следующим образом. Юра, ты со своими ребятами сейчас подробно на карте покажете маршрут до дверей. Сколько вам нужно времени на сборы?

Гарин посмотрел на товарищей. Стась задорно подмигнул, Нил криво улыбнулся.

– Несколько часов.

– Выходите завтра с утра, – распорядился командир. – Ваша основная задача – попытаться открыть дверь и сделать предварительную рекогносцировку. Как появятся свободные разведчики, я их тут же отправлю к вам на помощь. Ну а мы тут, с Робертом и Леонидом, попытаемся достучаться до аграриев и медиков. Еще есть несколько дней, может и переубедим.

Он выпрямил спину, расправил плечи.

– Все, мужики. Времени мало, давайте работать.

* * *

Когда тощий петух в курятнике за окном противно закукарекал на фонарь дневного света, Юрий уже стоял в коридоре, готовый выходить. Он смотрел на свое отражение в зеркале, и заученные фразы слетали с его губ: «Мы – последняя надежда человечества. Мы – пионеры в неизведанных пространствах. Мы можем и умеем побеждать. Земля дождется своих детей!».

Со стены, из простой пластиковой рамки, на Гарина смотрел духовный покровитель, «Первый-шагнувший-к-звездам», в честь которого когда-то новорожденного мальчика назвали Юрой, и чья фамилия была настолько созвучной, что многие путали. Духовник широко и ободряюще улыбался, его глаза лучились уверенностью и спокойствием.

В последнее время молодежь не верила в духовников, в легендарных героев мифической Родины. Тому виной была модная ныне концепция отрицания прошлого. Говоря по чести, Гарин и сам сомневался в мистической силе первых космонавтов. Но его неверие произросло не из желания отгородиться от наследия предков, а от веры в научный подход и силу разума. И он сомневался, что дух «Первого» незримо витает над ним, но был твердо уверен, что когда-то «Первый» был человеком, который действительно смог совершить великий подвиг. Без помощи духов и невидимого покровителя, а сам, своими силами и собственной волей. Поэтому с самого детства Гарин старался быть достойным своего имени.

Юрий еще раз проверил снаряжение, вспоминая, не забыл ли чего. В душе трепетала неясная тревога, но Гарин списал это на ответственность задания. Такого с ним не случалось уже несколько лет, но и на кону стояло неизмеримо больше, чем его собственная жизнь.

Разведчик окинул взглядом комнату, закинул на плечо рюкзак и вышел на улицу.

У шлюза его встретили Нил и Стась. Парень пребывал в хорошем расположении духа и беззлобно подкалывал старшего товарища. Нил лишь что-то бурчал в ответ и хмуро поглядывал по сторонам.

Пока разведчики переодевались в предбаннике, пока натягивали новенькие скафандры, специально выделенные корпусом для такого дела, подошли Волков с заместителем. Командир выглядел озабоченным и напряженным, хотя и старался не подавать виду. Он почти ничего не говорил, наблюдая за приготовлениями команды. В какой-то момент подошел к Юрию и протянул ему тяжелую кобуру с шестизарядным револьвером внутри. Это было личное оружие командира, и Гарин не помнил случая, чтобы Волков кому-то вот так вручал его на задание. На Земле вообще было мало огнестрельного оружия, всего несколько штук пистолетов и пара гладкоствольных ружей. Судя по документам где-то на палубе «А» находился оружейный склад, предназначенный для будущих колонистов, но добраться туда еще только предстояло.

– Мы сегодня встречаемся с Кубасовым, – как бы между делом сообщил Волков.

– Есть шансы? – спросил Юрий, зная, что командир ему не соврет.

– Шансы есть всегда, Юра. Вы, главное, себя берегите. Даже если у вас ничего не выйдет или за дверью окажется тупик, не страшно. Жизнь продолжается и нам всегда найдется работа.

– Всегда найдется место подвигу, – невесело пошутил Гарин.

Волков усмехнулся и похлопал Гарина по плечу.

Разведчики уходили не прощаясь. Прощаться перед походом в Изнанку – дурная примета.

С шипением сомкнулись за их спинами герметичные створки шлюзовой камеры, стукнули магнитные запоры. В спину какое-то время бил свет двух прожекторов. Мужчины уходили прочь от Земли, их тени двоились на грязном полу, удлинялись и, наконец, смешались с царящей по эту сторону темнотой. Гарин дал команду опустить маски и включить «ночные глаза».

Непроглядная мгла превратилась в серо-зеленый лабиринт.

Изнанка, мир вечной ночи. Не помнящий света и питающийся человеческими страхами. Стоило только испугаться, придумать себе страшного монстра, как он тут же появлялся где-то в глубине этих бледных джунглей. Появлялся и начинал охоту за тем, кто его выдумал. И если продолжать бояться, то он обязательно пробирался на Землю и утаскивал трусишку в свое логово.

Так про Изнанку рассказывали детям их матери их сиделки. Дети всегда любили страшные сказки и подобные истории пользовались неизменным спросом. Так, при помощи фантазий, они постигали мир и учились бороться с собственными страхами.

Однако, с возрастом они узнавали, что не все в детских сказках – выдумки. Изнанка действительно лишена света, если не считать за таковой еле заметное свечение мха на стенах. И в этой темноте действительно полным-полно чудовищ, которые не прочь поохотиться.

Юрий, как и любой напрямую столкнувшийся с Изнанкой, когда-то интересовался причинами Аварии и событиями, которые повлекли за собой подобные изменения. Во время Аварии оказавшиеся по эту сторону корабля люди задраили шлюзы и почти сто лет боялись их открывать. А когда все же были вынуждены это сделать, то за толстым металлом створок их уже ждала Изнанка.

Откуда она взялась? Были версии про одичавших животных из биолaborатории, про неудавшийся эксперимент с направленными мутациями, про избыточное излучение. Но никто толком не мог объяснить как за такой срок смогла образоваться настолько чужеродная для человека экосистема, что на некоторых уровнях нельзя было находиться без кислородных масок. Эта загадка многим будоражила умы.

Юрий очень надеялся, что ответ на этот вопрос, как и на многие другие, найдется на палубе «А». Он верил, что на все загадки должны быть ответы.

Его группа пробиралась сквозь Изнанку по некогда проторенной ими же тропинке. Оставляя по пути маркеры для других разведчиков, Юрий с товарищами пробрались по огромной трубе канализации, наполненной наполовину густой мутной жижей, пересекли кишачий насекомыми ветрогенераторный зал, продрались сквозь колючий кустарник на техническом уровне. Несколько раз останавливались, отпугнуть идущих по пятам мьюттов едким перечным газом. Пусть эти твари сильно уступали в размерах особи, встреченной Гариным на нижней палубе, оставлять их на близком расстоянии было опасно.

Привалы делали редко – привыкли работать без отдыха. Благодаря этому на место пришли раньше положенного срока, сэкономив почти двенадцать часов. Быстро, но по всем правилам оборудовали лагерь. Пока Нил расставлял сигнальные ракеты по периметру, Юра и Стась помечали флуоресцентной краской края ямы, в которую когда-то и провалился Гарин.

Даже не верилось, что здесь когда-то жили и работали люди, над головой светились тысячами ламп небо, а пол и стены выглядели как голые пластиковые поверхности. А над всем этим витала сверхидея, ради которой все и было создано.

Юра прошел по кромке узкой зеленой полосы, явственно светящейся в темноте. Его так и подмывало посмотреть в провал, но он точно знал, что ничего не сможет разглядеть внизу. Более того, он словно боялся, что можем своим взглядом как-то привлечет того здорового

мьюта, а то и кого похуже. Смешно, конечно, но от одного лишь воспоминания заныли свежие рубцы на спине и плече.

Лагерь разведчики расположили неподалеку от дверей, прямо на входе в коридор. Это в прошлый раз Гарин слишком забрал вправо, за что и поплатился. Сейчас же, когда яма была помечена, стало видно, что к дверям можно подойти вполне безопасно.

Вернулся Нил, вытирая о тряпку лезвие длинного ножа. Уселся на свой рюкзак, слепо уставившись на Гарина гладкой поверхностью забрала.

– Ползуна зарубил, – пояснил он, указывая себе за спину. – Сюда направлялся.

– Не люблю ползунов, – раздался в наушнике голос Стаса, который вставлял таблетку сухого горючего в примус. – На отрубленные хоботы похожи. Брр.

– Главное, чтобы мы не над гнездом устроились, – Нил повесил нож на пояс и наклонился вперед, упираясь о колени.

– Ага, – беззаботно откликнулся парень, потом дернулся и испуганно спросил. – Над каким гнездом?

– Над обычным, – откликнулся Юрий. – Ползуны под листья зарываются. Спариваются. Сползаются в клубок, по десять-двадцать. Злые, раздраженные. Провалишься – вмиг закусает. Будешь тоже лежать под листьями. Мертвенький.

Стась поставил примус на землю, чересчур громко засмеялся, тыкая пальцем в Гарина.

– Ну да, конечно! Прямо развел меня, ага! Не первый день в Изнанку хожу, что-то не видел я такого. Правда, Нил?

– А как, по-твоему, размножаются ползуны? – ответил серьезным тоном Нил, который уже давно привык к шуткам товарищей.

Смех Стаса как-то сам собой затих, парень прокашлялся и глухо сказал, вытаскивая из кармана коробок спичек:

– Чего-то вы сами не особенно под ноги смотрите, – он чиркнул спичкой о ребристую поверхность коробка и фосфорная головка вспыхнула ярким светом, на миг ослепив «глаза». – Знатоки половой жизни ползунов...

Нил довольно захрюкал, тряся плечами. Улыбнулся и Гарин, наблюдая, как огонь охватывает белую таблетку сухого горючего, как лижет донышко плоского металлического чайника с мятым носиком.

Огонь – это хорошо. Огонь создает уют, а дым, пусть и не сильно, но маскирует неприятный запах Изнанки. Здесь постоянно влажно, постоянно что-то гнет и разлагается. Из-за этого тут сложно найти сухие прутья для растопки костра, здесь никогда не было сильных пожаров, и местные твари не боятся огня. Однако предпочитают обходить стороной, как все незнакомое. Лишь крупные мьюты, хищники, могут пренебречь неведомой опасностью, увидев сочную и вкусную добычу – человека. Но об их приближении должны были предупредить сигнальные ракеты.

Пока Нил со Стасем обменивались беззлобными подколками, Гарин решил поближе осмотреть двери.

– Смотри, не провались снова, – предупредил его Нил. – В этот раз можем и не успеть.

Гарин лишь кивнул, подхватил фонарик и вошел в шлюзовой коридор. Немного постоял возле перекошенной двери, которая аж прогнулась от сильного давления с той стороны. Постучал кулаком, прислушиваясь к глухому звуку.

Нет, бесполезно, ее не открыть, уж очень деформировалась.

Повернулся к другой двери, водя лучом вдоль стального косяка.

Шлюзовые двери всегда отличались повышенной прочностью. Призванные в случаях опасности отсекал друг от друга палубы и уровни, они обладали завидной толщиной и герметичностью. Обычно их запирали на магнитные или вакуумные замки, но для крайних случаев

в нишах, возле дверей, располагались рычаги управления механическими засовами – пятью разнонаправленными стальными штифтами, толщиной в руку взрослого человека.

Сейчас, понятное дело, ни о каких электронных средствах запираания речи быть не могло – электричества Изнанка не знала со времен Аварии. Но Юрий разглядел в глубине аварийной ниши изъеденный ржавчиной стержень засова. Судя по положению, его активировали, а значит, тут придется повозиться.

Но заинтересовало Гарина другое – зачем дверь заварили? Разве мощных засовов недостаточно? В своей практике подобное разведчик видел впервые.

Он провел ладонью по гладкой поверхности двери, смахивая тонкие побеги молодого плюща. Задел надпись «А – СУ» и вниз упали чешуйки облезающей краски. Нагнулся и присмотрелся к ручке засова. Выглядела она хрупкой и не внушающей доверия.

Послышались шаги, подошел Стась. Молодой разведчик с интересом осмотрелся, луч от его налобного фонаря запрыгал по стенам и потолку.

– Интересно, – задумчиво протянул он, заметив сварной шов. – Кривенько, но вполне себе добротно.

– Реагент возьмет? – спросил Гарин.

– Должен, – парень склонил голову, почти в упор разглядывая гладкие валы сварки. – Сейчас попробуем.

– Обожди, – осадил товарища Юрий. – Нам надо отдохнуть. Лучше завтра начнем, когда сил наберемся. А там, глядишь, наши подтянутся.

– Я только попробую, – заверил Стась. – Хоть пойдем к чему готовиться.

Гарина самого подмывало проникнуть на ту сторону шлюза. Но он, как командир группы, должен был думать не только о своих желаниях, но и о безопасности товарищей. Пусть у каждого из них за плечами не одна разведка в Изнанку, но усталые люди есть усталые люди – они чаще ошибаются, у них хуже реакция и слабее рука. Они и так забрались слишком далеко, чтобы подвергаться ненужному риску.

Но и в словах Стася была доля истины – пока есть время, следует решить, как именно открывать дверь. Завтра это сильно сэкономит время.

– Хорошо, – сдался Гарин. – Попробуй. Но только попробуй, никакого вскрытия!

– Понял! – парень не стал ждать пока старший товарищ передумает, быстрым шагом направился к лагерю.

За ним пошел Гарин, сдерживая улыбку.

Нил, колдующий над кипящим на примусе варевом, удивленно поднял брови, когда на стоянку выскочил Стась, схватил набор для вскрытия дверей и умчался обратно в темноту.

– Решили сегодня вскрывать? – спросил он у присаживающегося на рюкзак Юрия.

– Нет, просто хотим проверить сварной шов на прочность, – Гарин с удовольствием вытянул ноги и снял с головы шлем с полусферой забрала. – Что готовишь?

– Фасолевая каша, – Нил помешал густое варево в небольшом котелке, добавил. – С курицей.

Юрий вытер вспотевший лоб, надел шлем обратно. Обернулся, стараясь определить по теням, что именно делает у дверей Стась.

– Что, если пульт не работает? – вдруг спросил Нил.

– Какой пульт? – не понял Гарин.

– Пульт управления Землей... кораблем. Что, если он уже давно сломался?

– Ты, вроде, раньше никогда не задавался таким вопросом, – удивился Юрий.

Нил неопределенно дернул плечом. Его голос, сухой и скрежещущий, сумел передать нотки сомнения.

– Я просто делал то, что умею. Хочется знать, что не напрасно.

Гарин внимательно посмотрел на товарища. Таким он его еще не видел. Обычно молчаливый и сосредоточенный, Нил всегда шел за ним на любые авантюры, не задавал вопросов и не сомневался. А тут, вдруг...

– Откуда такие мысли? – спроси Юрий.

– Большая ответственность на нас, – Нил поскреб заросший щетиной подбородок. – Большие надежды. Все или ничего. А вдруг это все окажется ничем?

Гарин хмыкнул. Что тут ответишь?

– Может быть и такое, – не стал лгать он. – Может быть пульт разрушен, может быть у нас не получится починить его. Может быть за дверью вообще... Космос. Все может быть. Но, Нил, разве наши сомнения стоят того, чтобы из-за них отказаться от надежды?

Нил понимающе закивал, открыл было рот, чтобы что-то сказать. Но тут хрустнули ветки, и в круге света появился Стась. Вид у него был ошарашенный.

– Что такое? – привстал Юрий, напрягаясь.

– Я, кажется, дверь открыл, – словно сам себе удивляясь, произнес парень. – Я просто...

Оглушительно хлопнуло, яркая вспышка сигнального огня выхватила из темноты черные силуэты деревьев и стремительно движущиеся фигуры приземистых зверей.

– Пламя! – рывкнул Гарин, вскакивая.

По ногам загremел перевернутый примус. Хлопнула предохранительная мембрана пиропатрона и в кулаке Нила вспыхнул огненный цветок. Разведчик без замаха швырнул его в джунгли, сорвал с пояса второй картонный цилиндр и крутанул кольцо. Над головой, отбрасывая тени, пролетели брошенные Стасем пиропатроны. Юрий, в свою очередь, пустил по дуге едкую перечную жидкость из баллончика.

В свет упавших огней влетели оскаленные морды мьютов со слепыми буркалами глаз. Твари были некрупными, еле достигающими до колен разведчиков, но чрезвычайно шустрыми и агрессивными. И, судя по шелесту вокруг лагеря, их собралось достаточно большое количество.

– Стая, – раздраженно проговорил Гарин, перебирая пальцами рукоять ножа. – Нужно шугануть. Кто-нибудь видит альфу?

– Вон он, – Нил указал длинным зазубренным лезвием.

В мерцающем свете было видно, как мьюты, которые не смогли заставить людей врасплох, фыркали, поводя большими ноздрями, клацали зубами и сдержанно дергались вперед, не решаясь, все же, преодолеть страх перед запахом дыма и перца. Среди них выделялась самая крупная тварь с крутой мускулистой холкой, которая держалась чуть позади, рыком и укусами подгоняя повизгивающих собратьев.

– Спорим, не полезут? – беззаботно предположил Стась. Юрий даже повернул к нему голову – настолько в голосе парня слышалась жажда схватки.

– Нечего на такие вещи спорить, – укорил товарища Нил. – Не нужно, чтобы полезли. Мне альфу убрать?

– Да, давай, – дал добро Юрий.

Нил плавным движением опустил на колено и отстегнул от рюкзака короткий арбалет с пластиковым ложем. Наложил граненый болт. Попросил:

– Стась, подсвети.

Прицелился, выстрелил.

Истошный визг разрываемого металла прорезал воздух, заставив вздрогнуть людей и возбужденно затаивать мьютов.

Над черным провалом на нижние уровни вздымалась горбатая фигура бледного безволосого чудовища с лишенной глазами мордой. Огромные желтые когти со стуком втыкались в землю, подтягивая мощное тело.

Гарин охнул, узнав тварь. И даже у него по спине побежал холодок, когда из дыры показалось еще один монстр.

– Бежим! – рявкнул он, подхватывая рюкзак.

– Но..., – растерянно возразил Стась.

– Бегом! – не сдерживая себя, заорал на него Гарин, толкая парня.

Рядом уже бежал Нил, еще не понявший в чем дело, но беспрекословно исполняющий приказ.

И тут, вместо того, чтобы разбежаться при появлении более опасных хищников, мелкие мюты ринулись на людей. Писк обожженных огнем и перцем тварей быстро потонул в злобном рычании и лае, вскоченные тельца живым ковром понеслись вперед.

Они прыгали на спину, цеплялись за ноги, целились в горло и лицо. Укрепленная ткань скафандров трещала, но пока держала удары когтей и укусы.

Разведчики вбежали в шлюзовой коридор, буквально на плечах затягивая в неширокий проход взбесившихся животных. Здесь у людей появилось небольшое превосходство – теперь их атакowali только с одной стороны. Замелькали ножи, с каждым ударом и тычком находя цель. Смерд от влажной шерсти перемешался с густым запахом крови, воздух наполнился визгом и хрипом.

Гарин успел бросить взгляд за спину. Стась сказал правду – толстая створка шлюза была приоткрыта, на ней местами еще кипел разъедающий металл реагент. За дверью виднелась пугающая неизвестностью чернота.

В конце коридора появились крупные мюты, вылезших с нижних уровней. Они возвышались над своими собратьями как взрослый над малолетними детьми, их движения были обманчиво медлительными и тяжелыми.

Мелкие твари, попавшие между ними и людьми, вопреки всякой логике, продолжали атаковать людей, словно действовали заодно. Их порубленные тела застилали пол, но по ним лезли все новые и новые существа. Нескольким удалось прорваться за спину разведчикам.

– Что это такое? – не выдержав, воскликнул Стась.

Его левый рукав болтался слоеными краями, из порванного рюкзака торчали разодранные вещи. Парень то и дело стирал с забрала тягучую кровь мютов, но оставались широкие разводы. В пылу драки он повернулся к командиру, и Гарин живо представил под стеклом маски удивленно-испуганное лицо.

Юрий не знал что ответить. Подобное он видел впервые.

Одна из огромных тварей издала свист, расправляя уши-барабаны, и Гарин понял, что будет дальше.

– За дверь! – резко скомандовал он. – Скорее!

Наступая прямо на извивающихся зверей, не обращая внимания на болезненные укусы, разведчики добрались до приоткрытой створки шлюза. Проход был таким узким, что пролезть можно еле-еле.

– Стась, иди первым! – Юрий хлопнул по плечу парня, желая быстрее спрятать его от угрозы.

Откинул клапан на боку и достал пистолет.

Похожая на большой валун фигура с бледной безволосой шкурой и слепой мордой, атаквала стремительно. Тварь большими прыжками неслась прямо по не успевшим увернуться более мелким сородичам, вытянув вперед шею и разинув пасть. Запоздало сказала свое «бэнг» тетива арбалета Нила, только начала свой путь перцовая струя из баллончика Гарина, как мют был уже рядом. Его челюсть сомкнулась на руке Нила, последовал рывок. Разведчик не закричал, он лишь зло зашипел и, обхватив ногами шею зверя, потащил его на себя. Юрий и Стась почти одновременно рубанули ножами по подставленной холке, еще и еще.

Мьют замотал головой, затрепал вцепившегося в него мертвой хваткой Нила и принялся скакать от стены к стене. Из рук Стася вырвало застрявший в позвоночнике нож, его самого отшвырнуло прямо в кучу подышающих животных. На ногах остался стоять лишь Гарин, чудом уворачивающийся от лап чудовища. На его рюкзаке повисли двое мелких тварей и пришлось избавляться от разом потяжелевшего груза. Получив мобильность, он запрыгнул на большого мьюта сверху, оседлал его, приставил ствол пистолета к мясистому затылку и принялся палить не жалея патронов. Гулкие хлопки звонким эхом отдавались от стен, перекрывая звуки борьбы. А потом Нил все-таки заорал, когда чудовищные челюсти оторвали ему руку. После этого из пасти мьюта хлынула кровь, мощное тело конвульсивно дернулось и хищник завалился на бок. Гарин в последний момент спрыгнул со скользкой шкуры, ударившись спиной о стену. Не удержав пистолет в покрытых кровью перчатках, тот улетел куда-то в угол.

– Юра!

Полный отчаяния голос Стася заставил Юрия повернуться.

Парень пытался выкарабкаться из-под наползающих на него мерзких существ, расшвыривая их в стороны. Но те, полуживые, с перебитыми позвоночниками и отрубленными конечностями, словно одержимые старались загрызть разведчика.

За спиной Гарина, под остывающей тушей рычал Нил, пытаясь ножом отрезать от куртки застрявший в зубах хищника рукав с рукой.

Снаружи раздался знакомый до дрожи свист и в шлюзовый коридор влетело сразу два бледных мьюта, отирая шкурами стены.

– Уходи, – прохрипел Нил. – Я их взорву.

Гарин закричал от ярости и злобы. Он схватил вяло сопротивляющееся тело одной из мелких тварей и, прикрываясь им как щитом, бросился на чудовищ.

Они столкнулись почти на середине коридора – два слепых хищника и человек с ножом. Гарин атаковал первым, целясь в уши и нос. Горячие брызги крови веером окропили стены, нервной вибрацией отдавался в ладони врезающийся в кости нож.

«Щита» разведчик лишился почти сразу же, только клацнули огромные челюсти. Он отпрыгнул и подхватил новую жертву, хлестнул ее сверху вниз. Мьюты огрызнулись, прыгнули на него. Но они были слишком велики, мешались друг другу, толкались и сбивали атаки. Человек пользовался этим, появляясь то с одной, то с другой стороны.

Инструктор по ножевому бою Эрик Бу мог быть доволен своим учеником – так, как сейчас, Гарин не дрался еще никогда. Работая на опережение, вовремя уходя с линии атаки и держа дистанцию – все уроки мастера прошли не даром.

Однако, яростный пыл быстро сжигал ресурсы организма. Мышцы начали забиваться, от адреналина звенело в ушах, легкие качали гнилой воздух Изнанки словно кузнечные меха. И, несмотря на все старания, ему так и не удалось смертельно ранить ни одну из тварей. Единственное, что у Юрия получилось, так это оттянуть чудовищ внутрь коридора, прочь от барахтающегося в трупах Стася.

Гарин видел, как за лоснящимися от пота и крови спинами мьютов парень таки смог подняться, как растерянно заозирался, ища хоть какое-нибудь оружие.

Снизу и сзади – kloчочущий голос Нила:

– Дай... Я... Их... Взорву...

И лезущие вперед твари, не знающие усталости и страха.

Время словно замедлилось, а мир, сузившийся до заваленного трупами шлюзового коридора, стал ясным и понятным, как никогда.

Миг – Гарин кричит Стасю, чтобы тот убежал. Это единственный шанс выжить.

Второй – Юрий бросается назад, к приоткрытой створке. Это единственный шанс выжить.

Третий – он видит, как лежащий среди раздавленного кейса для вскрытия дверей, в луже вытекших огнеопасных реагентов, бледный от кровопотери Нил зубами выдирает чеку из осветительной гранаты.

Мыюты слишком поздно сообразили, что жертва пытается скрыться. Когда они неповоротливо бросились следом, Гарин уже был на другой стороне шлюза. Он развернулся, чтобы ухватиться за шершавую ручку и потянуть на себя дверь...

Белая вспышка разорвала пространство, сделав его нестерпимым. Горящая фосфорная смесь прыснула во все стороны, поднимая температуру до нескольких сот градусов. Все, что могло гореть, разом вспыхнуло. Спустя мгновение рванули банки с реагентами, высыпавшиеся из кейса.

Громкий хлопок оглушил Гарина. Горячий ветер отбросил его назад, в лицо будто плеснули кипятком. Стальная дверь с силой ударилась о косяк и отъехала назад, в наступающую темноту.

Юрий со стоном поднялся с пола, держась за голову. Шлем, кажется, выдержал, но ни «глаз», ни другие элементы виртуального интерфейса не работали. Нестерпимо болела правая сторона лица, остро, с надрывом. Скорее всего, обширный ожог.

Гарин нащупал на шлеме небольшой нарост и включил фонарик.

Правый глаз не видел. Это очень плохо. Юрий попробовал ощутить движение глазного яблока, но от боли не понял, получилось или нет.

Стась! Что стало с ним?

О Ниле разведчик старался не думать – товарищ однозначно погиб, но горевать пока что времени не было.

Гарин поднял руку, высвечивая болтающийся на темляке нож. Удачно, что он при падении не напоролся на острое лезвие. Обхватил пальцами рукоять. Сразу стало легче.

Осмотрелся. Ровный пол с толстым слоем пыли и мелким мусором. Стены с пузырями плафонов и техническими заглушками. Все выглядело так же, как на старых картинках.

Черт возьми, здесь словно никогда не слышали про Изнанку!

Потом, все потом. Сейчас...

Дверь шлюза с зубовным скрежетом поехала в сторону. В проеме появилась покрытая горелыми струпьями лапа с загнутыми когтями. Следом – черная от копоти морда мыота, залитая кровью из разорванных ушей. Тварь вклинилась между косяком и дверью, расширяя себе проход.

А за ней – еще несколько сородичей. Свежих, готовых к бою.

Юрий выругался, вдохнул поглубже, побежал прочь, гулко топая тяжелыми ботинками.

Мечущийся свет фонаря выхватывал из темноты следы другого панического бегства, произошедшего несколько сотен лет назад. На полу, раздавленными медузами, валялись какие-то целлофановые пакеты с неразличимым содержимым, пустые медицинские гофры, прямоугольные тени посеревших бумажных листов. Попался мумифицированный труп человека в гнилом комбинезоне. На стенах и полу разведчик заметил странные пятна, словно пролили черную смолу. Юрий пробежал по одному пятну – словно по стеклу.

За спиной раздался настойчивый пересвист мыотов. Гарин лихорадочно ускорился, ища глазами спасение.

Мелькнула привинченная к стене табличка: «Карантинный блок». Коридор раздвоился и Юрий свернул налево.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как споткнулся, чуть не полетев кубарем. Что-то тяжелое, металлическое покатилося по гладкому полу, мягко уткнувшись в ворох ткани и костей, некогда бывшими человеком.

Разведчик удержался на ногах, выровнялся и поднял голову, подсвечивая фонарем. Не удержался от удивленного восклицания. По спине побежали неприятные мурашки.

Здесь когда-то был многоуровневый зал с переходами и кабинетами. Судя по сохранившимся надписям, какой-то медицинский блок. По-крайней мере, Гарин смог различить перекошенные таблички: «Пункционная» и «Биохимия».

Сейчас все выглядело так, будто в самом центре зала разорвалась гигантская бомба, раздвигая и сминая в стороны стены и мостки. Пол вздымался волнами и проваливался рваными дырами на нижние уровни, всюду поблескивало битое стекло, из стен острыми углами торчали обломки декоративных панелей. Среди перевернутой мебели и обгорелых тряпок Гарин смог разглядеть покрытый бахромой пыли автоматический карабин, который он до этого видел только на картинках.

А еще человеческие трупы. Много.

И эти черные пятна, как короста больного, они повсюду, расплзлись уродливыми кляксами.

Что же такое тут произошло? Почему эти люди расконсервировали оружейную и стреляли из карабинов? Неужели именно здесь случилась Авария?

В реальность Гарина вернул стук множества когтей из коридора за спиной. Разведчик затравленно закрутил головой, стараясь понять, где можно спрятаться.

Дверь! На пару уровней выше, в глубине вспученной стены. Она словно сама притянула взгляд, скользящий по черно-серым развалинам. Чудом сохранившаяся овальная металлическая дверь с небольшим иллюминатором и вентилем засова посередине.

Юрий не раздумывая спрыгнул на изгиб пола, заскользил вниз, балансируя руками. Его ноги подняли клубы пыли, с шелестом посыпались стеклянные осколки. Разведчик с пугающим шумом перепрыгнул на упавший пролет перехода, пополз вверх, цепляясь за жалобно скрипящие перила.

Свист мьютгов эхом разошелся по залу. Гарин обернулся, лампа фонаря выхватила четыре бледные твари, скользящие туда-сюда вдоль разломанного пола. Одна прижалась к земле и прыгнул, покрывая половину пройденного человеком расстояния. Лапы твари заскользили по вздыбленным панелям, но когти не дали зверю упасть в рваный разлом. Слепая морда повернулась в сторону Юрия.

– Чтоб вы сдохли! – крикнул Гарин, карабкаясь дальше.

Зверь протяжно свистнул, растопыривая уши-барабаны.

Ослабевшие пальцы с трудом цеплялись за бугры оплавленного пластика. Юрий подтянулся и оказался на узком карнизе – это все, что осталось от целого перекрытия. Но выше, надо выше! По пятам лезли чудовища, на удивление ловко и легко.

Ботинок предательски поехал на мелких камешках. Гарин полетел вниз, но в последний момент успел извернуться и неуклюже упасть на покосившийся переход. На четвереньках затропился вперед, стараясь не съехать по наклонному полу вниз. Взгляд вверх – дверь почти рядом! Взгляд назад – мьюты не смогли залезть на карниз, но они прыжками перелетают там, где не смог проползти он. Черт!

Гарин суетливо замотал головой, ища за что бы ухватиться. Есть! Витой кабель болтался черной змеей почти над самой головой. Разведчик подпрыгнул, ухватился. Пальцы заскользили по пластику изоляции, но Юрий со всех сил ухватился за упруго натянутый кабель. Рывок вверх, еще рывок. Уперся ногами в стену и с трудом перевалился через край балкона рядом с дверью.

Огромная тварь сбила его с ног ударом лапы, подмяла и надела сверху. Каким-то шестым чувством разведчик в последний момент повернул голову так, чтобы челюсти сомкнулись на шлеме. Моргнул и погас фонарик. Ощущая, что голова вот-вот лопнет от давления, Юрий зарычал, уперся локтем в грудь твари, отстраняясь, а второй рукой ударил снизу на всю длину ножа.

Мьют дернул головой, у Гарина хрустнули шейные позвонки, но нож уже преодолел сопротивление шкуры и погрузился в живот твари. На разведчика полилось что-то горячее, зловонное.

Хищник разжал пасть, взвился, роняя вываливающиеся потроха, и упал с балкона вниз.

Обессиленный Юрий заставил себя подняться, проковылять пару шагов. Плечом уперся в гладкую поверхность двери, которая оказалась незапертой, перевалился через высокий порог и захлопнул за собой створку. Навалился на кольцо замка, потянул против часовой стрелки. Когда раздался холодный щелчок, позволил себе съехать на пол и, наконец, потерять сознание.

* * *

Кто так отчаянно и настырно скребется в его голове?

Разведчик поднял тяжелую ладонь и опустил на лоб, горячий и сухой. Провел по лицу, но тут же зашипел от острой боли – пальцы надломили спекшуюся корку ожога. Однако, боль помогла прийти в себя, головокружение отступило. Юрий с трудом, но сел.

Кто-то действительно скребся за толстой дверью, тихо, но настойчиво. Неужели мьюты все еще не ушли? Очень странно. В Изнанке люди, конечно, лакомая добыча, но далеко не единственная. Но сегодня твари будто целенаправленно охотились на группу Гарина. Словно не хотели пропускать дальше шлюзовой.

Юрий ухватился за какой-то выступ и, кряхтя как дряхлый старик, встал. По штанине стукнуло лезвие болтающегося на руке ножа. Это хорошо, с ним спокойнее.

Сквозь пыльное стекло иллюминатора падал призрачный свет, серый, неприятный глазу, но с его помощью удалось осмотреться.

Юрий находился в каком-то медицинском или исследовательском боксе. Даже сквозь пыль и грязь проступала белизна стен и потолка, холодная и безразличная. Над дверью и в углу висели небольшие коробочки видеокамер с мертвыми линзами. Тут же располагался динамик, закрытый сеткой.

В центре комнаты возвышался прямоугольный контейнер, похожий на огромный гроб с выпуклой крышкой. Его поверхность выглядела цельнометаллической, к стенкам льнули плотно уложенные трубки и кабели.

У дальней стены застыла гигантская, вставшая на дыбы механическая многоножка с длинными суставчатыми лапами. Машина выглядела пугающей и отдаленно напоминала хирургического робота, но большинство приспособлений и инструментов были Гарину незнакомы. Двумя манипуляторами робот вцепился в верхнюю часть монолита, будто перед самым отключением пытался его открыть или приподнять.

Рядом, на полу, стоял пластиковый лоток с откинутой крышкой. Внутри – сваленная одежда, скукоженный ботинок маленького размера. И нечто прямоугольное, с цветной затертой картинкой. Книжка! И еле разборчивое название по-русски, что-то там «... изумрудного города».

Судя по роботу, обилию ламп, видеокамер и массивной двери это помещение для каких-то опасных экспериментов. Должно быть, стены тоже из толстой стали.

Только сейчас Юрий заметил еще один звук, который звучал ненавязчивым фоном, почти сливаясь с шумами и скрежетом за дверью. Негромкое натужное гудение, исходящее откуда-то из стены над роботом. Присмотревшись, Гарин обнаружил на стене, за прозрачной предохранительной пластинкой, широкую кнопку ярко-оранжевого цвета. Внутри кнопки тлел умирающий огонек подсветки, всплывающий и угасающий.

Это было невозможно! В Изнанке нет электричества, об этом знал каждый ребенок. Здесь давно умерли аварийные генераторы, давно не работали ветроконденсаторы, давно рассыпались от времени хрупкие вибробатареи. Ходили сказки про все еще работающие где-то реак-

торы ядерного распада, но до сих пор никто не находил ничего подобного. Да и как что-либо может работать сотни лет без ремонта и сбоев?

Показалось, или мьюты заскреблись с удвоенной силой, яростно рыча?

И что теперь делать? Вот есть непонятная кнопка, гудящая и светящаяся. Вот твари за дверью, не собирающиеся уходить. Вот комнатуха пять на пять, похожая на склеп. И выход, судя по всему, лишь один. Хотя...

Гарин отошел от стены, задумчиво посмотрел на непонятный контейнер. На вид тяжелый, верхняя поверхность явно стеклянная или пластиковая, но что под ней не видно – изнутри все заросло похожими на изморозь серыми снежинками. Юрий попытался ножом поддеть крышку, но чуть не сломал лезвие. Пнул контейнер ногой, прислушиваясь. Никакого отклика.

Что если кнопка на стене как раз и открывает этот ящик? И что там, внутри контейнера? Особенно в таком отсеке, как этот, с пугающим роботом и особо крепкими переборками.

С другой стороны, что если при помощи содержимого контейнера удастся выбраться наружу? Потому как чудовища за дверью никуда уходить не собираются, и эта тесная комнатуха вполне может превратиться в его склеп.

Юрий неуверенно подошел к кнопке, протянул руку. Защитная пластинка не отъехала в сторону, как задумывалось, а попросту отвалилась. Палец на мгновение застыл над мигающей поверхностью, но разведчик подавил в себе сомнения.

Палец утопил кнопку в стене. Что-то хрустнуло, кнопка погасла. Гудение пропало, наступила тишина.

– Сломал, – со смешанным чувством облегчения и разочарования выдохнул Гарин.

Манипуляторы робота дернулись, зазвенели. Взвизгнул старый сервопривод, разворачивая механизм.

Застигнутый врасплох Юрий отпрыгнул назад и застыл с ножом в руке.

За стенами протяжно зашипело, словно из гигантского мяча выпускали воздух, по полу прошла конвульсивная дрожь. Ожил динамик на стене, выхаркал пару визгливых звуков, которые сменил приятный женский голос: «Ручной запуск активирован. Внимание, деактивации стазисной капсулы завершена. Выполнение приоритетной программы – невозможно. Выполнение аварийной программы – выполняется. Экстракция модуля произойдет через...».

На последних словах голос снизился до баса, потом и вовсе замедлился, стихнув. Ему на смену пришел нарастающий гул, сопровождаемый интенсивной тряской.

– Зараза! – перепуганный Юрий бросился к двери.

Прочь! Прочь из этого непонятного места! Уж лучше смертельные, но привычные чудовища! С ними как-нибудь...

Рывок был такой силы, что разведчика бросило прямо на дверь. За ней завывали мьюты, обреченно и жутко. Гарин успел ухватиться за колесо замка, но очередным толчком его приподняло и ударило о потолок. Тут же – швырнуло на пол. Сверху рухнул тяжелый робот. Вместе их приложило о недвижимый монолит.

А потом невидимая сила подняла Юрия в воздух, и он повис в пустоте, медленно поворачиваясь по ходу кружения комнаты. Мимо проплыли алые шарики крови.

Разведчик в панике замотал руками и ногами, попытался найти точку опоры, зацепиться хоть за что-нибудь. Удалось дотянуться ногой до края металлического контейнера, оттолкнуться и подплыть к двери. Юрий ухватился за колесо, потянул, силясь открыть запоры. Поднял глаза к иллюминатору.

За толстым стеклом удалялся прочь черный провал какой-то шахты, зияющий на фоне бесконечного серого плато. Гарин разглядел направляющие рельсы и махающие вслед, словно прощаясь, толстые рукава шлангов. Из шахты вылетал всякий мусор, его разносило в разные стороны. Вот над плато пролетела кажущаяся маленькой фигурка мьюта. Тварь беззвучно разе-

вала пасть и махала лапами. Наконец ее тело несколько раз дернулось, и мертвое существо продолжило свой неторопливый дрейф уже без движения.

Юрий стремительно взмывал над этим странным, абсолютно голым полем с шахтой. Спустя некоторое время он уже не мог найти глазами труп мьюта, зато смог увидеть, что плато посечено бороздами, на нем много глубоких вмятин и трещин. Когда поднялся еще выше, увидел ряды непонятных конструкций, тянущихся к горизонту. Они показались Гарину смутно знакомыми, он их видел, причем, совсем недавно.

Иллюминатор прорезала четкая линия горизонта, и сердце разведчика защемило так, что оно, кажется, на секунду остановилось. Юрий смог лишь прильнуть лицом к стеклу, и вперив взгляд немигающих глаз в открывшуюся картину, пробормотать:

– Не может быть.

Глубокая чернота и разноцветная россыпь бесконечно далеких огоньков. Огромная глыба серого металла с рваными массивами зеркальных парусов. Мертвые блины антенн и локаторов. Еле различимая надпись гигантскими буквами: «Пилигрим – 2».

Картинки из головы накладывались на реальность.

Космос.

Звезды.

Невесомость.

Макет межзвездного корабля в руке. Корабля, который, во всю свою огромную величину, проплывал за иллюминатором, медленно отдаляясь.

Сердце Юрия Гарина вновь застучало, легкие рывком наполнились воздухом.

Что-то заставило разведчика обернуться.

Свет звезд проник сквозь мутное стекло крышки контейнера. Оттуда, на Юрия, смотрели ярко-синие глаза.

1. Карл Йенсен

Черный палец бура ткнулся в раскаленный багровый блин термопасты и начал медленно погружаться в размягченный камень. По корпусу пошла ощутимая дрожь.

Пузатый старательский «дузер» клещом присосался к телу небольшого астероида, закрепившись растопыренными манипуляторами. Он плотоядно трясся и вибрировал, вбирая толстым хоботом бура горячую породу, направляя ее в формовочные танки в чреве корабля.

– Херовая выборка, – проскрежетал динамик.

Сквозь затертое от времени и пыли стекло фигуру Ларса разглядеть было сложно. Карл положил палец на «сосок» джойстика и перевел луч одного из прожекторов на печально дрейфующего напарника.

– Херовая выборка в херовом месте, – повторил Ларс.

Он включил маневренные двигатели. Его фигура в массивном скафандре отлетела в сторону и скрылась из вида. Спустя секунду, по обшивке застучали магнитные ботинки.

Выборка действительно была бедной, об этом свидетельствовали показания анализаторов. Слишком много примесей, слишком низкое качество. От дома тоже слишком далеко.

– Дерьмо, – выругался Карл, ни к кому конкретно не обращаясь. Если быть точнее, он оппонировал сразу всем, из-за кого, по его мнению, приходилось болтаться в этой дыре. Список был длинным – от долбаной корпорации, которая так мало платила за сырую породу, до жены с ее вечным нытьем и ненасытным аппетитом на новые шмотки. На кой черт ей вообще в Деннийорде новые шмотки?

А еще, конечно же, виноват этот мудака Ёжи с его историями. И горячий ром, который дал шанс этим историям показаться хоть капельку правдивыми.

Карл вытер тыльной стороной ладони липкую испарину – чертов климатконтроль опять пошел вразнос – и щелчком открыл голографическую схему сектора. В воздухе перед его носом возникла полупрозрачная сфера, похожая на рой насекомых. На самом краю этого роя мерцала зеленая точка – их рабочий «дузер».

А ведь так и есть – торчат на самом краю астероидного кластера, вдали от всех путей и маршрутов. Здесь летающие в космосе обломки неведь когда развалившихся планет были совсем мелкими, «пустыми». Какая к чертям может быть богатая жила в глыбе несколько десятками метров в поперечнике?

А в голове, как издевка, слова Ёжи: «Я же там когда-то золотую каменюку отбил... Был бы молод, не вылезал бы из «двадцать седьмого». И ведь, что самое смешное, был когда-то Ёжи богат. Не сильно – сильно богатыми быть старатели не умеют – но дом выкупил и свой атмосферный купол имел. Просрал правда все, как и большинство словивших шальную удачу, но все же.

Однако, в последние дни стало жечь изнутри сомнение – ходили слухи, что старый пройдоха появился в Деннийорде уже при деньгах, а значит, никогда не работал старателем ни на концерн, ни во фрилансе. Только вот кто уже сейчас что вспомнит? Двадцать лет прошло с тех пор.

За спиной вжикнула занавеска и серый, словно камень за окном, голос произнес:

– Херовая выборка.

– Что ты заладил: «херовая выборка, херовая выборка»? – Карл без зазрения совести сфокусировал раздражение на напарнике. – А то я сам не вижу?

Ларс закричал в бороду, протиснулся на свое место и ввалился в скрипящее кресло. Уже оттуда, пожевав губы, произнес:

– А то и говорю, что херовая.

– Ты скафандр убрал или, как обычно, в шлюзе бросил?

- Убрал... Что ты зудишь, как дурная жена? Я, между прочим, сюда не напрашивался.
- Ух ты, – повернулся Карл, подбоченясь, – Seriously? Не напрашивался?

Ларс не очень быстро соображал, а заготовленные фразы у него закончились, поэтому старатель попросту замолчал, не зная, что ответить.

– Вот и заткнись, – подвел победный итог Карл и вновь отвернулся к карте. Вдохнул и одним движением убрал ее прочь. Чего смотреть, если и так все понятно?

Цифры на экранах анализаторов неумолимо уменьшались, бур начал работать неравномерно, с захлебками. Еще несколько минут и нужно сниматься.

Противно пискнул локатор – что-то пересекло невидимую границу сигнального поля. Карл лишь бросил взгляд на показания – ничего страшного, слишком мелкий объект.

Астероидные поля находятся в вечном броуновском движении. Обломки на протяжении многих тысячелетий притягивались, сшибались и разлетались прочь. Иногда от них отбивались осколки, имеющие достаточно силы и скорости, чтобы превратиться в каменную торпеду. Таких следовало опасаться, они будто специально норовили снести головы честным старателям.

– Гарпун работает? – вопросительно посмотрел Ларс.

– Ты робота починил, чтобы он сработал? – едко напомнил Карл. – Или я чего не знаю?

– Не починил.

– Ну, так давай, сам, ручками, – Карл указал на пульт управления гарпуном. – Вроде мимо летит, но мало ли чего. Я пока начну бур остужать.

Каким бы увальнем не казался Ларс, свою работу он знал на «отлично». Грубые пальцы с шершавой, похожей на наждачку кожей заскользили по маслянистому пластику экрана управления, соединяя вектор движения осколка с линией атаки гарпуна. Еле слышно защелкали механизмы под обшивкой.

На все это Карл не обращал внимание. Перед ним стояла более важная задача – извлечь бур и решить, что же делать дальше. Попытать удачу последний раз или отправиться ни с чем домой? Потому как собранная порода не в счет, за нее и амортизацию «дузера» не окупить.

Ларс ткнул пальцем в пиктограмму большой красной кнопки – Карл специально таким образом настроил пуск гарпуна, чтобы криворукый товарищ не перепутал куда жать – и задрал голову, выглядывая через толстое стекло наружу.

Ярко вспыхнуло и погасло. Локатор продолжал попискивать.

– Ты промазал что ли? – Карл даже отвлекся от своих мыслей, настолько удивился. – Как ты умудрился промазать?

Ларс лишь пожал плечами, мол, бывает и такое. Добавил:

– Вектор изменился.

– Чего?

– Кусок стукнулся о другой кусок и поменял направление движения.

– Это тебе что, мать твою, шарики для пинг-понга? Это охрененно здоровые осколки планет, которые не могут вот так запросто отскакивать друг от друга! Ну-ка...

Карл движением перетащил к себе панель управления гарпуном.

На плоском экране, среди схематических астероидов, двигалась оранжевая точка. И она действительно теперь плыла в другом направлении – в сторону «дузера» старателей.

– Что б тебя! – Карл торопливо сменил картинку – вывел на монитор изображение с камеры, расположенной на вершине корабля. Он не очень хорошо управлялся с расчетной программой, зато никогда не промахивался, если видел цель своими глазами.

Он выбрал направление, отрегулировал картинку. Приблизил.

– Сдается мне, Ларс, нарисовался небольшой бонус за наши старания.

Карл убрать палец с кнопки и, довольно улыбаясь, указал товарищу на монитор.

К ним летел не астероид. К ним летел железный октаэдр явно искусственного происхождения. Насколько Карл мог судить, какой-то отделяемый модуль или техническая надстройка, сбитая с корабля. А вот что Карл мог сказать с полной уверенностью, так это то, что за подобный хлам можно выручить некоторые деньги. Даже не так – более крупные деньги, чем за остывающую в баке породу. И если это не выглядело хорошей новостью, то Карл уж и не знал какие новости считать таковыми.

Чтобы поймать маленький по сравнению с окружающими его астероидами модуль, пришлось применить все навыки управления неповоротливым «дузером». Сопящий Ларс все никак не мог накинуть короткий «поводок» магнитной ловушки, рассчитанный на более крупные цели. Карлу оставалось только костерить товарища на чем свет стоял, да малым ходом двигаться в кильватере находки. Он уже успел заприметить небольшую дверь с иллюминатором и какой-то смутно знакомый символ на одной из плоскостей октаэдра. Собственно, этот символ его напрягал и отвлекал, заставляя копаться в памяти.

Наконец Ларс победно зауhal, хлопая в ладоши. «Дузер» легонько дернуло, магнитное кольцо охватило модуль и потянуло к кораблю.

– Выбери курс для дрейфа в сторону дома, – скомандовал Карл, вылезая из кресла. – А я загляну, что там под крышкой нашего подарка.

Внутри скафандра воняло мужским потом и несвежими носками. Ларс, тупой ублюдок, как обычно, не озаботился продувкой внутренностей громоздкого костюма после работы. Эта вонь и так уже достала, весь корабль ею пропитался. Корабль, Ларс и сам Карл, сколько бы он не боролся за чистоту. Черт побери, даже хвойный освежитель воздуха пах грязным исподним! Что уж говорить о скафандре, в котором сутки напролет старатели потели, чихали, пердели и рыгали? Это вам не выходной костюм, мать его.

Запахи неприятно щекотали ноздри и, по возвращению, Карл собирался хорошо отчитать Ларса. Нечего пренебрегать санитарными нормами.

Полевой скафандр старателей походил на панцирь вставшего на задние лапы краба – массивный, с шаровидными сочлениями, с плоским куполом шлема и двумя похожими на клешни манипуляторами. Дополняло сходство с членистоногими вынесенные на гибкие щупы сигнальные фонари, торчащие над головой. В таком скафандре можно было без проблем ворочать тяжелое оборудование, высвобождать застрявший бур, демонтировать что-нибудь не шибко мелкое и вообще не обращать внимание на разлетающиеся каменные осколки.

А еще «клешни» скафандра без труда могли вскрыть такую коробочку, как висящий в магнитной ловушке модуль. У Карла уже был подобный опыт.

В ухе что-то напевал Ларс, отчаянно фальшивя, поэтому Карл предпочел выключить звук. Пока в шлуме менялось давление, успел поразмышлять о сумме возможной сделки и о том, что вырученные деньги есть куда потратить. Последнее несколько подпортило сладкие грезы, потому как не все траты были желанными.

Когда замигала красная лампа и блин люка отъехал в сторону, Карл подбородком включил визуальное управление, реагирующее на движение его глаз, дважды моргнул. На экране возникла пунктирная стрелка, следующая за направлением взгляда, включились поясные двигатели и старатель вылетел из «дузера», направляясь к находке.

Вблизи модуль неизвестного корабля казался больше, чем из рубки. Карл облетел его вокруг, подсвечивая себе фонарями. Нашел что искал – короткие коммуникационные трубки, направляющие рельсы и разжатые «пальцы» замков. Все признаки отделяемого отсека. Вот только зачем его отстрелили? Спасая кого-то или наоборот, спасаясь? Да и системы выглядели древними, как окаменевшее говно – так примитивно никто уже не располагал узлы.

В свет прожектора вновь попал смутно знакомый символ, нарисованный на боковой стенке – похожий на осьминога, растопырившего в разные стороны желтые щупальца. Неприятный такой значок, беспокойный.

А вот и дверь с иллюминатором. Карл подлетел ближе и с грацией бельевого шкафа уцепился за тонкую ручку на корпусе модуля. Направил свет сквозь толстое стекло внутрь комнаты.

Луч скользил по внутренностям комнаты, отражаясь от глянцевых стен и выложенного плиткой пола. Выхватил прямоугольный чан, похожий то ли на древнюю криогенную камеру, то ли на раскрытый гроб. Внутри какие-то тряпки, словно кто-то старался укрыть тающий хладоген.

Мимо иллюминатора проплыла раскрытая книга. Настоящая бумажная книга с тонкими листиками и картонной обложкой! Карл успел разглядеть картинку – ураган уносит прочь маленький домик, из распахнутых дверей которого выглядывает испуганная девочка, прижимающая к груди лохматую собачку. Под рисунком была какая-то надпись, но Карл не умел читать на примитивном пиктографическом языке.

Мелькнула тень, книга отлетела в сторону. Из-за толстого стекла на Карла смотрело страшное мужское лицо с растрепанной бородой и горящими глазами. За его спиной парила абсолютно голая девушка.

Карл нервно сглотнул, включил связь и, не отрывая взгляда от лица незнакомца, сообщил дрожащим голосом:

– Ларс... Похоже у нас выжившие.

2. Юрий Гарин

Она не помнила своего имени, и Юрий назвал ее Элли.

Когда мир из перегородок и стен вдруг распахнулся бескрайним звездным полотном, когда школьная модель мифического звездолета «Пилигрим-2» проплыла перед глазами в натуральную величину, когда все то, во что верил, превратилось в реальность – он растворился без остатка, наслаждаясь моментом.

Но потом игра «в гляделки» со звездами затянулась, мир, в котором остались родные и близкие, продолжил удаляться, а маленький отсек вдруг превратился в коварную ловушку. Эта комнатка вовсе не собиралась возвращаться!

Звезды стали издевательски холодными, черная бездна смертельной, а исчезающий за краем иллюминатора дом недостижимым.

Конечно, он постарался все исправить. Попробовал как-то выпутаться из положения. Попытался найти какие-нибудь приборы управления, но тщетно. Он перерыл все, до чего смог дотянуться, но лишь заполнил пространство комнаты летающим мусором. Провел инвентаризацию собственных карманов. Прикинул, насколько хватит кислорода.

Единственное, что он так и не решился тронуть, так это похожий на гроб контейнер посередине комнаты, в котором лежала молодая девушка. Юрий вспомнил, что один знакомый из Инженерного корпуса рассказывал про особые капсулы, в которых человек может проспать хоть тысячу лет, мол, такие использовались экипажем корабля для отдыха между долгими вахтами.

Девушка под дымчатым стеклом была, безусловно, мертва – не было похоже, чтобы ящик как-то работал, поддерживая в ней жизнь. Однако, выглядела она так, словно только что прилегла отдохнуть, тлен не тронул ни бледного лица в обрамлении выющихся волос, ни нагого тела, скрытого мутным стеклом. Даже открытые глаза, большие и блестящие, казались живыми. От этого взгляда невозможно было укрыться, он, словно, следил за каждым движением разведчика. Это нервировало, отвлекало, заставляло то и дело оборачиваться.

Когда стекло саркофага неожиданно отлетело в сторону и девушка, в окружении хлопьев синей пены, вылетела наружу, задыхаясь и кашляя, Гарин от испуга чуть не высадил люк.

На вид ей было около двадцати. Худая, с острыми плечами и впалым животом. Девушка хрипло закричала, слепо озираясь. Лицо исказилось от страха и боли, она дрожащим зверьком попыталась укрыться в собственных скрещенных руках, в поджатых к груди коленям. Ее ударило о стену, девушка беспомощно попыталась оттолкнуться, отлетела обратно к саркофагу, разметаив хлопья пены.

Когда незнакомка налетела бедром на торчащие манипуляторы робота и в невесомости повисли алые капли крови, Юрий вышел из оцепенения.

Поймать девушку оказалась делом нехитрым – она все еще была слепа. Труднее оказалось удержать ее на месте. Несмотря на кажущуюся хрупкость, от страха незнакомка отбивалась так отчаянно, что у Гарина еще долго потом звенело в ухе и болела челюсть.

– Тихо-тихо, успокойся... Я – друг, слышишь? Я не причиню вреда, – шептал он как можно спокойнее, доверительно, пряча голову от неточных, но болезненных ударов. Сгреб девушку в охапку, обнял, прижимая ее руки к телу.

Удары становились все слабее, рывки реже, яростный хрип перешел в жалостливые всхлипы. Девушка затихла, смирилась и вдруг, сильнее прильнула к его груди, зарыдала.

Юрий не знал, сколько они висели в пустоте, обнявшись. Он утешал, нашептывал, гладил спутанные волосы девушки, снимая с них синий налет. И размышлял о том, что теперь придется переживать не только за свою, но и за еще одну жизнь.

Девушка чувствовала себя неважно, ее несколько раз вырвало. Помимо прочего, синяя пена и разнообразный мелкий мусор превратили внутреннее пространство их незапланированного жилища в летающую свалку. Гарину пришлось потратить достаточно усилий, чтобы провести какое-то подобие гигиенической уборки, оченьгодились найденные им ранее хирургические пакеты из плотной бумаги.

Пока он наводил порядок, девушка спала, свернувшись калачиком в его куртке. Гарин, поглядывая в ее сторону, гадал, кто же она такая и как оказалась в этом отсеке.

Тянулось время, среди неподвижных звезд оно казалось бесконечным. Не было смены дня и ночи, это сбивало с толку. В какой-то момент Юрий отметил, что воздух в отсеке остывает, становится холоднее. Если они не умрут раньше от кислородного голода, то точно замерзнут.

*Выглядела она так, словно только что прилегла отдохнуть,
тлен не тронул ни бледного лица в обрамлении выющихся
волос, ни нагого тела, скрытого мутным стеклом.*

Тем не менее, пока что они были живы. К девушке вернулось зрение, и они впервые попробовали пообщаться. Незнакомка понимала язык, на котором говорил Гарин, даже пыталась отвечать, но выходило так, словно она забыла как это – говорить. Здесь очень пригодилась найденная в саркофаге книга с потертой обложкой. Девушка указывала пальцами на слова, составляя предложения, Юрий старательно озвучивал их.

Увы, что-либо прояснить не получилось – девушка не помнила абсолютно ничего, даже собственного имени. Оставалось надеяться на то, что память вернется.

Хотя, возможно, на пороге смерти счастливое неведение все же лучше груза несбывшихся надежд?

Не смущала девушку и собственная нагота, тогда как Юрию приходилось иной раз краснеть и тактично отворачиваться.

Все же, она оставалась еще слишком слабой, быстро утомлялась. Ее глаза начинали закрываться, и девушка засыпала, вцепившись в руку разведчика. Но сон не приносил отдых, она часто вздрагивала, резко подхватывалась, просыпаясь. В распахнутых глазах медленно таяли тени кошмаров.

Чтобы ее успокоить, Гарин читал ей вслух книгу, страницу за страницей.

– Элли, растерянная, сидела на полу, схватившись руками за голову, – голос Юрия охрип, казался чужим. – Она чувствовала себя очень одинокой. Ветер гудел так, что оглушал её. Ей казалось, что домик вот-вот упадет и разобьется.

Девушка вздохнула, но не тревожно, умиротворенно. Ее волосы, поднятые в воздух невесомостью, казались пуховыми.

– Но время шло, а домик всё ещё летел, – продолжил читать, ломая глаза в полумраке, Гарин. – Элли вскарабкалась на кровать и легла, прижав к себе Тотошку. Под гул ветра, плавно качавшего домик, Элли крепко заснула.

И вновь посмотрел на мирно сопящую девушку.

Да, ей определенно пойдет имя «Элли».

* * *

– У нас должен был кончиться кислород еще пару дней назад, – Юрий висел возле иллюминатора, аккуратно собирая конденсат в маленькую пластиковую коробочку. – И температура больше не падает, заметила?

– Заметила, – отозвалась Элли. – Еще синяя пена почти закончилась, растаяла вся.

– Предположу, что эти два факта как-то связаны, – Гарин поддел последнюю каплю пальцем и втер влагу в сухие, потрескавшиеся губы. – Надеюсь, нам это как-то поможет. Попьешь?

– Нет, спасибо.

– Тебе нужно.

– Тебе тоже.

– Я потерплю, – как можно беззаботнее улыбнулся Юрий. – Я же мужчина.

Элли, улыбнулась в ответ, кутаясь с коленями в куртку, лишь узкие ступни с пальцами торчали из-под полей. На месте ее удерживали растопыренные манипуляторы робота, из которых удалось соорудить подобие ограждения.

– Если что – вода тут, – Гарин плотно закрыл коробочку и убрал ее в настенный шкаф.

В желудке требовательно заурчало, поджимая несчастные кишки к диафрагме. Чтобы отвлечься, Юрий вернулся к иллюминатору, прижался лбом к прохладному стеклу, разглядывая ослепительные звезды.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила Элли.

– О чем думаю? – переспросил Гарин. – Ну, так... Обо всем.

– Расскажи.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Слабость есть?

Элли промолчала. Она еще не научилась лгать.

– Тебе нужно поспать, восстановить силы.

– Я только это и делаю, – грустно улыбнулась девушка. – Я будто всю жизнь спала.

Возразить было нечего. Говоря по правде, он и сам держался из последних сил, голод и жажда терзали тело, словно кровососущие паразиты.

– Хочешь, давай сыграем в слова? – предложил разведчик.

Он придумал такую игру, когда нужно называть слово на последнюю букву предыдущего. Он надеялся, что это поможет Элли восстановить память.

– Лучше расскажи что-нибудь, – попросила девушка. – Мне нравится тебя слушать.

Что же ей рассказать? Он уже поведал ей о своей жизни на ковчеге, об Изнанке. Рассказал ту историю, которую не так давно (на самом деле кажется, что очень давно!) рассказывал юным землянам в школе.

– Хорошо бы ты сама что-нибудь рассказала, – попробовал пошутить Гарин. – Ничего нового не вспомнила?

Даже в полумраке было видно, как Элли смущенно опустила глаза.

– Не знаю, – подумав, ответила она. – Мне часто снятся сны... Я не знаю, что в них воспоминания, а что – фантазия. Они почти все страшные. Ты говорил, что ваш корабль послали с Родины, с планеты Земля.

Юрий молча кивнул, он не хотел перебивать девушку.

– Мне иногда снится что-то похожее, – лицо Элли скрыла тень от опустившейся пологом челки. – Какое-то начало движения, такой толчок, после которого ускорение. Очень одиноко, но я не вижу себя. Я будто бы сразу все – и время, и темнота, и полет... А вокруг кто-то есть, но не люди.

Волосы разошлись, появился бледный овал лица.

– Ты думаешь, они действительно все погибли?

– Кто? – не понял Юрий.

– Те, на Земле. На Родине.

– Я не знаю, – честно признался разведчик. – Хочется верить, что они нашли какой-то выход. Все же, там остались гениальные мыслители, которые смогли построить и отправить в космос наш корабль.

Он перелетел через комнату и устроился рядом с девушкой. Постарался придать своему голосу более уверенный и оптимистический тон:

– Ну, вот сама посуди – раз уж у нас получилось столько лет выживать рядом с Изнанкой, то уж на родной планете это сделать в стократ проще! Думаю, они ждут нашего сигнала. Нашего или с других ковчегов. Поэтому было так важно найти капитанский мостик!

При мысли о том, что ему так и не удалось выполнить свою задачу, что его самого с надеждой ждут друзья и родные, Юрию стало горько и обидно. Эх, если бы он не полез в этот медицинский бокс...

То его бы уже сожрали мьюты! К чему сейчас думать о том, что могло бы быть? Вышло так, как вышло! Сейчас главное выжить и сообщить своим о том, что на самом деле происходит вокруг.

И тут же одернул себя – до своих сейчас также далеко, как до звезд.

Элли положила ему на плечо легкую ладонь.

– Извини, что начала этот разговор, – тихо прошептала она. – Я...

Что-то гулко ударило о стену, прокатилось со скрежетом по потолку.

– Элли!

Мир полетел вверх тормашками. Юрия смело налетевшим саркофагом, словно крошку со стола, он перелетел через крутящуюся комнату, закрывая руками голову. Совсем рядом звякнули вытянутые манипуляторы хирургического робота.

Новый удар остановил верчение, а ускорившийся Гарин догнал стену. Он, ошалевший, ухватился за торчащий выступ, подтянулся, попытался отыскать девушку.

Элли парила посередине комнаты, запрокинув голову и закрыв глаза. Судя по всему, она была без сознания.

По обшивке размеренно застучало. Сквозь стекло иллюминатора проник яркий луч света, заскользил по саркофагу, по дверцам шкафчиков, по обнаженному телу девушки.

Гарин рванулся к иллюминатору, цепляясь за все подряд.

С той стороны запотевшего стекла, из центра большой прямоугольной тени, на него смотрели настороженные человеческие глаза.

* * *

Гарин никогда не испытывал шока, но сейчас, должно быть, оказался очень близок к нему. Происходящее казалось нереальным, мысли путались в тумане, голова напоминала наполненный кашей из мыслей и ощущений котел. Если истощенный организм как-то и пытался справиться с новым потрясением, то это получалось плохо.

Их нашли люди и это не были люди с ковчега. Двое мужчин в странных громоздких скафандрах, они волокли их медицинский бокс за собой, присоединив стальными тросами к грязному кораблику. Долгий полет в волнующую неизвестность. Ликование вперемешку с тревогой.

Вплывающая в круг иллюминатора планета, огромная, неохватная взглядом.

Совсем не такая, которую он мечтал увидеть.

На старых картинках Родина выглядела иначе – теплый сине-зеленый шар, окруженный светлым ореолом атмосферы. Моря и реки, материки и острова – просто названия для тех, кто их никогда не видел, но значения этих слов известны, облик вполне представим. Здесь же – грязно-бурый шар, частично скрытый под черным серпом ночи. Ничего похожего на моря и океаны, на материки и острова. Ничего, кроме вяло бурлящей массы цвета горелых семян.

Если это Родина, то она мертва. Никто из жителей «Пилигрима» ей помочь уже не в силах.

* * *

Вежливый, почти без интонации голос произнес что-то на незнакомом языке, что-то терпеливое и требовательное. Владелец голоса – мужчина, свисающими щеками и бочкообразным телом напоминающий оплывший огарок свечи, поправил ворот форменного костюма с блестящим значком на груди и пощелкал пальцами, привлекая к себе внимание.

Они находились в небольшой прямоугольной комнате с тускло светящимся потолком и узким, похожим на бойницу окном, прикрытым плотными раздвижными ставнями. Из мебели присутствовали лишь продолговатый стол, перегораживающий комнату, стулья из мягкого пружинящего пластика, и узкие шкафы-пеналы, из-под которых по стене выглядывали темные сырые разводы. Воздух казался пыльным, проделавшим немало кругов по затхлой вентиляции.

Тихо всхлипнула Элли, привалившись к плечу Гарина. Ей выдали мешковатый оранжевый комбинезон, в котором она утопала, и Юрий как на маяк ориентировался на ее яркую фигуру, не отступая ни на шаг. Их в какой-то момент хотели разлучить, но Элли пришлось бы силой отрывать от Юрия, так сильно она за него держалась. Только слепой мог не увидеть, что девушка на грани обморока.

Казалось странным, отчего ее так пугали незнакомцы, но Юрию было не до ее секретов. Все происходящее настолько выбило разведчика из колеи, что в какой-то момент он просто перестал что-либо соображать.

Мужчина со значком провел ладонью по столу и пальцами поднял с поверхности полупрозрачное изображение, которое осталось висеть в воздухе – широкий белый лист со строчками крупных черных букв. Строчек было много, они располагались в несколько колонок и должно быть означали одно и то же, хотя и были написаны разными символами.

С ними пытались наладить общение. Гарин горячо желал того же. Поняв условия задачи, внимательно всмотрелся в строки. Даже придвинулся ближе к столу от волнения, когда нашел знакомые слова.

– Прочитайте вслух это сообщение, – произнес он как можно четче.

Висящие в воздухе буквы мигнули зеленым, изображение пропало. Сидящий за столом представитель планеты (Юрий все еще не хотел верить, что это Родина) удовлетворенно дернул бровями, положил ладонь на столешницу.

– Здравствуйте, – сказал он, хотя голос шел откуда-то снизу, будто из скрытых динамиков, а движение губ не совпадали со звуками. – Вы понимаете меня?

– Да! Да! – Гарин не сдержал нервный смешок. – Отцы-духовники, я вас прекрасно понимаю! Скажите, это Родина? Это Земля?

Собеседник нахмурился, в его взгляде мелькнуло легкое недоумение.

– Я помощник комиссара Дэннийорда, меня зовут Аки Ульсон. Как зовут вас?

– Юрий Гарин, – разведчик торопливо похлопал себя пальцами по груди.

– Элли, – голос девушки дрожал, но она нашла в себе силы ответить.

– Мы на Земле?

– Где? Нет, конечно. Мы на Канкри-55. Вы думаете, что вы в Метрополии?

Гарин попытался найти знакомые ассоциации к незнакомым словам, но общий смысл понял и так – они не на Родине.

– А Земля? С ней все в порядке? – не удержался он от вопроса.

Судя по всему, помощника комиссара удивил вопрос, потому как он выпятил нижнюю губу, задумчиво промычал:

– Ну, все в порядке... Вроде бы. А что с ней должно произойти?

Наверное, Юрий надолго замолчал, застыв с непонимающим взглядом, потому как в какой-то момент Ульсон начал тактично покашливать. Спросил с тревогой:

– Что-то не так?

Элли тихонько подергала Гарина за рукав.

– Но ведь катастрофа..., – Юрий путался в мыслях. – Нас послали на поиски спасения...

– Послушайте, – прервал его помощник комиссара, морщась. – Давайте успокоимся и будем последовательными. Я не меньше вашего хочу во всем разобраться и пойти домой. Договорились?

Юрий молча кивнул, хотя эмоции переполняли его так, что даже ладони вспотели.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес Ульсон, нависая над столом. – Проясним несколько моментов. Господин Йенсен утверждает, что обнаружил вас неконтролируемо дрейфующими в районе пояса астероидов. Это так?

Гарин не знал, где именно они дрейфовали, но в остальном все было верно.

– Да, мы летели внутри отсека, – ответил он.

– Господин Йенсен сообщил, что это был отделяемый модуль какого-то корабля. Увы, сам модуль он представить не смог, сообщив, что оставил его где-то в том секторе. Однако пояснил, что никаких идентификационных данных на нем не разглядел. Вы можете мне сказать от какого корабля этот модуль?

При этом Ульсон смотрел на Элли, но та лишь замотала головой.

– Как назывался ваш корабль? – переспросил он у Юрия.

– Земля... «Пилигрим-2», – поправился разведчик.

– Место приписки? Тип?

– Корабль, – попытался объяснить Гарин, понимая, что говорит не о том. – Большой. Запущен с Земли очень давно.

От волнения у него вылетели из головы все даты и числа.

– Мда, – помощник комиссара отклонился, рассматривая из-за своей бочкообразной груди изображение на столешнице. – Информативно... Вы пассажиры или члены экипажа?

Юрий не был уверен по поводу Элли, но девушка растерянно посмотрела на него, и Гарин ответил за обоих:

– Пассажиры. Я жил на нем всю жизнь, а вот она...

– В период с первого по двадцать пятое июня прибытие в систему Омега-Канкри космических кораблей не зафиксировано, – озвучил Ульсон всплывшую на поверхности стола информацию. – Космический корабль с наименованием «Пилигрим-2» в реестре Имперского космического транспорта не значится.

Мясистые щеки помощника комиссара заколыхались, когда он заиграл желваками, во взгляде, направленном на Элли и Юрия, читалось раздражение.

– Ваше положение и без того непростое, не нужно его усложнять, – назидательно произнес Ульсон. – Я еще раз вас спрашиваю – как вы попали в нашу систему? Как назывался ваш корабль?

– «Пилигрим-2», – твердо ответила Юрий. – Мы вас не обманываем!

– Стоп, – палец помощника ткнулся в поверхность стола. – Дайте-ка я проясню ситуацию для непонятливых. Нас на этой планете не так уж и много, большинство я знаю лично. И мы здесь как-то не привыкли видеть новые лица. Вы не военные с аванпоста, не представители корпорации, не горняки и не докеры. Вы вообще неизвестно кто, появившиеся неведь откуда. У вас нет инбы, вас не опознала база данных и в остальном вы несете какую-то ахинею. В иных условиях я бы посчитал, что вы – агенты Рхеи.

Ульсон сделал паузу, чтобы его слова успели дойти до каждого.

– Но я – разумный человек, – его тон сделался мягче. – Я знаю, что люди, порой, попадают в сложные ситуации. И я не враг вам, поверьте. Я просто хочу понять, кто вы и откуда взялись.

Он вновь замолчал, предоставляя слово Юрию и Элли.

Гарин не заставил себя долго ждать. Он, как можно короче и доступнее, рассказал историю ковчегов, которую знал сам, рассказал про Аварию, про Изнанку, про поход на Мостик, про бой с мьютами и про полет в медицинском отсеке.

К чести Ульсона, он не перебивал, слушал внимательно. Когда Юрий закончил, посмотрел на Элли, ожидая ее версии. Девушка подтвердила слова Гарина.

Когда в комнате повисла тишина, помощник комиссара устало повел плечами, распрямляя спину. Гарин, затаив дыхание, ожидал его реакции.

– Понятно, – наконец сказал Ульсон.

На самом деле по его тону сложно было определить что же именно ему стало понятно. Юрий решил, что следует дополнить свой рассказ, что не хватает фактов, но Ульсон опередил его, сказав:

– Мне нужно время, чтобы все проверить. Вам пока придется остаться в участке, до выяснения.

* * *

Ноющая боль неприятно тянула мышцы в ногах и спине, зудящая ломота терзала плечи, шею и колени. Местный врач сказал, что это из-за разницы в силе тяжести – тело отвыкло от нагрузок. Рекомендовал больше лежать.

Но как тут лежать, когда под ногами – настоящая планета! Вот она начинается от стоп и ниже, потом пол, фундамент, настоящий грунт, которому миллионы лет, и вот все глубже и глубже, прямо к раскаленному шару в центре. И потом все снова, но в обратном порядке, пока не покажется обратная сторона этого летящего в космосе каменного шара.

Когда Юрий впервые осознал масштабы, ему стало не по себе, он поспешил залезть с ногами на кровать.

Шел второй день с момента беседы с помощником комиссара. И второй день странной новой жизни.

Все же их с Элли разделили. Мягко, тактично, объясняя, что таковы традиции. Но увели ее недалеко – в соседнюю комнату. Они весь прошлый день провели вместе, разглядывая движущиеся изображения, но вечером пришлось разойтись – комнаты запирались до утра.

Было похоже на то, что они – пленники. Но Гарин пока не хотел об этом думать. Собственно, он прекрасно понимал местных жителей, которые хотели понять, кто же пожаловал к ним в гости. Он бы и сам так поступил, попади на Землю незнакомцы без личных жетонов и знаков профпринадлежности.

Их проверяли, и Юрий только приветствовал это – чем скорее разберутся, тем скорее помогут найти «Пилигрим». Волнительно думать о том, какие будут у землян лица, когда им откроется правда!

В дверь постучались, будто бы Гарин мог самостоятельно впустить гостя, потом щелкнул замок и в комнату вошел помощник комиссара Ульсон. Выглядел он немного устало, лицо лоснилось от пота.

Он что-то пробормотал на своем языке, потом коснулся маленького диска на лацкане форменной куртки и заговорил уже по-русски:

– Чертова буря, – пробормотал он вместо приветствия, потом все же обратился к Юрию. – Здравствуйте.

На сей раз Ульсон говорил сам, а не через механизм-переводчик. Это удивило Юрия.

– Здравствуйте, – улыбнулся он. – У вас хороший русский!

– Да? – поднял бровь помощник комиссара. – Я не стал загружать долгосрочные знания, все равно не понадобятся. Кратковременную пилюльку проглотил.

Он коснулся диска, пояснил:

– Корректор произношения. Вам не знакома эта технология?

Гарин покачал головой, жестом предложил гостю один из стульев.

– Вы проверили мою информацию? – спросил он, садясь на край кровати.

– Как раз по поводу этого, – Ульсон с облегчением опустился на стул, подбоченился, переводя дух. – Задали вы мне работы, господин Гарин.

– Давайте позовем Элли, – предложил Юрий.

– Позже, – помощник комиссара уселся поудобнее, положив ногу на ногу. Сказал, разглядывая разведчика:

– Даже и не знаю с чего начать, господин Гарин. Оказалось, что наша база данных давненько не обновлялась. Как-то ни к чему было. А глобальную сеть, как вы знаете, до Канкри пока не протянули.

Юрий никак не отреагировал, внимательно слушая.

– А может, и не знаете, – сделал вывод Ульсон. – Тем не менее, я кое-что выяснил. Пришлось, правда, залезать даже не в полицейские, а в исторические архивы.

Должно быть, у Гарина был такой нетерпеливый вид, что представитель власти решил больше не ходить вокруг да около. Он поднял взгляд к потолку, словно вспоминая что-то, заговорил:

– В рамках проекта «Ковчег» в 2162 году с орбитального космодрома «Типчак» были запущены три внеклассовых звездолета, именуемые «кораблями поколений». Цель проекта – колонизация пригодных для жизни планет, – он кашлянул, продолжил. – В 2164 году на борту «Пилигрима-3» произошел взрыв реактора, что привело к разгерметизации и частичному разрушению корпуса. Выживших не обнаружено. В 2170 году пропала связь с «Пилигримом-1». В 2188 году – с «Пилигримом-2».

Юрий с удивлением смотрел на помощника комиссара – неужели он все это выучил? Ульсон опустил на него взгляд, облизнул пересохшие губы.

– Я верно понимаю, об одном из этих кораблей вы рассказывали? – брови Ульсона приподнялись и вопросительно застыли.

– Да, я жил на одном из них.

– То есть вы утверждаете, что прибыли в нашу систему на звездолете, который пропал почти три сотни лет назад?

За дверью раздался какой-то шум, топот, возбужденные голоса. Помощник капитана дернул головой, но взгляд от Гарина не отвел.

– Я вам не вру, – заверил Ульсона Юрий. – Послушайте, это очень важно, найти корабль, мой дом. Там много людей осталось, они...

Полицейский поднял руку с растопыренными пальцами, призывая к тишине. В его голосе впервые прозвучали металлические нотки:

– Если это какая-то шутка, господин Гарин, то я настоятельно рекомендую прекратить ее.

– Это правда!

– Это не может быть правдой!

– Но я же здесь как-то оказался!

– Я сделал запрос, – Ульсон рубанул ребром ладони воздух. – Первый факт состоит в том, что ни одно космическое судно подобного размера не проходило сквозь Арку в ближайшей к нам системе Ропера. Но если предположить то, что ваш звездолет не проходил сквозь Арки, а летел своим ходом, то вот вам второй факт – за триста лет ваша посуда не смогла бы преодолеть то расстояние, которое отделяет нас от Метрополии. Вы хоть знаете насколько мы далеко от Солнечной системы?

За дверью вновь затопали и створка распахнулась. В проеме появился еще один полицейский, рыжий парень с всклокоченной шевелюрой. Именно он приносил Юрию еду, а также объяснял как чем пользоваться. На обычно добродушном и улыбчивом лице парня застыло смятение. Он что-то быстро и непонятно затараторил, а в конце бросил быстрый взгляд на Гарина.

Разведчик напрягся. Что не так!

Ульсон торопливо ответил на своем языке, поднялся и поспешил на выход.

– Что произошло? – спросил вдогонку Юрий.

– Ничего страшного, все под контролем, – Ульсон все же остановился в дверях. – Вы не замечали за вашей девушкой...

– За Элли?

– Да, за Элли, чего-нибудь странного?

– Нет. В чем дело?

– Пока не знает. Кажется, у нее какой-то припадок.

Прежде, чем Юрий достиг порога, дверь закрылась, и разведчик остался один на один со своим возмущением.

* * *

Пронзительный свет десятка белых солнц рассыпался искрами и растекался по всему небу, качаясь и пульсируя. Он прожигал лицо и ослепительной болью проникал прямо в голову, переполняя ее низким гулом.

– Нееее...

Непреодолимая сила прижимала Юрия к упругой стене, гладкой и прохладной. От стены несло удушливым запахом пота и резины, а еще под ногами не было пола.

Чертов свет убивал и нужно было с этим что-то делать.

Гарин качнулся из стороны в сторону, пытаясь отлипнуть от стены. Внезапно для себе перевернулся, приподнялся на локтях и уперся лбом. В носу будто открыли кран с горячей водой, на пористую поверхность потекла кажущаяся рубиновой кровь.

Туго перемотанные бинтами кулаки сжались, заскрипела кожа перчаток.

– Неее вхстаавай! – гул перерос в осмысленный возглас, тонущий в шуме толпы. Софиты над головой отбрасывали резкие тени, которые ложились на грязный ринг. Несмотря на онемевшее от ударов лицо, боль острым осколком кромсала переносицу. Опять перелом?

Юрий вытянул руку, схватился за канат и подтянулся, поднимаясь. Кровь из носа полилась по губам, впилась в бороду и потекла по шее на грудь.

– Зачем, Ю? Ну зачем?!

Гарин даже не стал поворачиваться на голос, он и так знал что увидит – пунцовое от злости лицо Карла Йенсена, пухлое и мясистое, нависающее над воротом застиранной рубашки и зажатый в волосатых пальцах таймер с длинным желтым хвостиком-веревочкой. Все как всегда. Сейчас важнее не секундант, а тот, кто уже начал движение из другого угла ринга.

Юрий поднял руки к подбородку и пошел навстречу противнику.

Про Арматуру Джона говорили, что он сделан из металла. Когда мышцы перекачивались под отливающей холодным стальным бликом кожей, это казалось похожим на правду. Окончательно сомнения пропадали после знакомства с его кулаками. Этот бритоголовый парень с увитыми татуировками запястьями действительно словно орудовал железными прутами.

Бойцы сошлись и с ходу обменялись ударами, не тратя времени на выжидание и тактику. Они уже поняли чего ожидать друг от друга и теперь каждый по-своему стремились завершить раунд.

Приняв сильную, но не очень точную «двойку» на перчатки, Юрий качнулся назад и тут же поднырнул под руки Джона, стараясь подсесть тому ноги. Но железнокожий вовремя отпрыгнул, встретил Гарина тяжелым ударом снизу. Кулак прошелся по скуле и от прострелившей боли в поломанном носу Юрий чуть не заорал в голос. Он отмахнулся, попытался достать Джона в челюсть, но еле успел уйти в глухую оборону, пытаясь устоять под градом ударов.

Черт, когда уже гонг!

Руки переставали слушаться, их напрочь отбили. Нос забила кровь, а из-за необходимости дышать ртом в глотку словно песка насыпали. Удары Джона то и дело пробивали блоки, точно разя в голову и по ребрам.

Тело молило о том, чтобы наконец упасть на такой манящий ринг, не вставать до отсчета рефери, а потом не вставать еще сто лет.

– Бьешь как баба, – пробурчал Юрий разбитыми губами.

Он выгадал момент, когда между ударами Джона возникнет мимолетная пауза. Словно бык подался вперед, оттолкнул противника руками в грудь. Скрутился тугой пружиной, соби-

рая оставшиеся силы, а потом с гортанным хэканьем, разбрызгивая кровь, выстрелил длинным апперкотом.

Кулак врезался в квадратную челюсть Джона. Голова железнокожего резко откинулась и он попятился, на миг потеряв ориентацию.

Надо добить, дожать...

– Бэнг!

Дребезжащий звук, раздавшийся из динамиков над головой, показался Гарину самой сладкой музыкой. Он опустил руки и остался стоять там, где его застал гонг.

Незримые тени по ту сторону канатов заулюлюкали, заорали, замахали руками. Кто-то не очень метко бросил полупустую пивную банку, и она упала на ринг, расплескивая содержимое.

Юрия, впрочем, уже мало интересовало происходящее. Он терпеливо подождал, пока рефери под возгласы невидимого ведущего поднимет вверх руку Арматуры Джона. Объявили выигрышные ставки – пять раундов сыграно, победа по очкам.

Несмотря на боль в разбитом вдребезги лице, Юрий злорадно усмехнулся. Нашел глазами Карла. Тот лишь покачал головой, хмуро запихивая секундомер в нагрудный карман. Так и стоял с недовольной миной, пока Гарин вылезал из ринга. Потом пристроился рядом и они вместе зашагали в сторону раздевалки.

С трибун летели разорванные чеки от ставок, один клочок налип на лицо Юрия, увязнув в густой крови. Боец скovyрнул бумажку пальцем.

– Ну и зачем на этот раз? – голос секунданта еле заметно вибрировал от сдерживаемых эмоций.

– Так получилось, – Юрий потрогал сломанный нос, поморщился от боли.

Карл говорил с ним по-русски – специально где-то скачал и загрузил в свою инбу лингвистическую матрицу. Его пока подводила артикуляция, он не всегда верно произносил буквы, особенно шипящие, но в целом выходило вполне сносно.

Возле лица Гарина промелькнула пятерня с грязными ногтями. Через ограждение перегнулся раздухарившийся пьяный мужик в клетчатой рубашке и попытался дотянуться до проходящего мимо Юрия. В другой руке он сжимал ворох проигравших чеков. Затарабанил что-то на местном языке, но Гарин не слушал, прошел мимо охранника, толкнул двери и окунулся в густой воздух раздевалки.

Прямо с порога к нему подскочил невысокий и проворный костоправ в голубом халате. Он деловито остановил Юрия, заглянул в лицо, пощелкал перед глазами пальцами. Потом быстрым движением извлек из поясной сумки небольшое белое устройство с двумя хоботками и закрытой пластиковым конусом иглой. Гарин лишь успел зажмуриться, когда доктор бесцеремонно водрузил механизм Юрию на переносицу.

Коротко пшикнуло и лицо онемело, превращаясь в резиновую маску. Хоботки щелкнули, входя в ноздри. Противно защелкали встающие на место кости и хрящи.

Все продолжалось не больше минуты. Доктор скупыми движениями обработал пленкообразующим аэрозолем сбитые кулаки и ссадины, без лишних слов отцепил свое устройство от многострадального носа Гарина и убежал прочь так же быстро, как и появился.

Юрий, наконец, позволил себе выдохнуть и опуститься на ближайшую скамью. Несмотря на то, что острая боль ушла, в голове по-прежнему звенело, хотелось покоя и тишины.

Помимо Юрия в раздевалке было еще восемь бойцов. Из них Гарин знал лишь одного – волосатого, похожего на гориллу Фредерика, они пару раз вместе работали в порту. Остальные – залетные или новички, каждый со своим нехитрым бойцовским скарбом и крутящимися подле представителями. Бойцы шлепали босиком в душ, смывая кровь и лохмотья антисептика, пытались застегнуть разбитыми пальцами пуговицы на рубашке, разглядывая в зеркальце места, где совсем недавно был зубы.

Свора рваных собак, сбившихся в кучу зализывать раны. По-настоящему бойцовских среди них – единицы.

А еще запах – запах крови, пота и сырого отбитого мяса.

Юрий сгорбился, опустил голову между колен и позволил себе на секунду расслабиться.

– Ю! – в раздевалку быстрым шагом вошел Карл. – Тебя подлатали?

Гарин, не поднимая головы, показал секунданту большой палец.

– Хорошо, – Карл удовлетворился ответом, – А то за те деньги, что мы платим им... Так, ты, давай-ка не расслаживай! Нам нужно быстрее...

– Карл! – словно хрипая ворона каркнула в раздевалке.

Йенсен вполголоса выругался, но тут же преобразился, расцвел, заулыбался и раскрыл объятия приближающимся мужчинам. Однако, те не были настроены на обмен любезностями.

Их было двое – один старый, другой крепкий. Старого звали Ноем, в его карманы ссыпала свои доходы добрая половина злых заведений города-колонии Дэннийорда. Второй – его телохранитель.

Ной и Карл общались на языке, который сам Карл называл датским. Этот язык считался в колонии официальным, но на нем говорило подавляющее меньшинство – прилетевшие на заработки старатели предпочитали грубый и универсальный лингво, дикую смесь из русского, английского и китайского.

– Ю, – Карл чересчур сильно потряс Гарина за плечо, привлекая внимание. – Господин Ной спрашивает, почему ты считаешь, что вправе сам решать исход поединка?

По испарине на лице секунданта, по его сжатым губам и нахмуренным бровям было видно, что вопрос пусть и риторический, но вполне закономерный.

Старик вновь заговорил, требовательно указывая узловатым пальцем в сторону выхода из раздевалки. Карл с подобострастной улыбкой слушал, потом торопливо перевел:

– Господин Ной говорит, что ты должен ценить предоставленную возможность. Ты должен падать тогда, когда тебе приказывают.

И добавил уже от себя, горячо шипя в лицо:

– Ю, из-за того, что ты не остался лежать на том сраном полу он потерял деньги. У них был спор с мажором из «Азалии».

– Нечего было ставить против меня, – буркнул Гарин.

Карл зарычал, но к Ною повернулся уже с улыбкой на физиономии. Подхватил под локоток и увлек в сторону, вкрадчиво что-то объясняя. Следом двинулся охранник, контролирующий пространство вокруг.

Когда за ними закрылась дверь, Юрий с силой провел ладонью по лицу. Заморозка начала проходить, и кожу покалывало.

Так, который час? Должно быть около десяти. Домой уже не успеть, скоро на смену. Еще нужно успеть забежать к Элли.

– Эй, – незнакомый голос окликнул Гарина.

В дверях стоял одетый в дорогой спортивный костюм Арматура Джон. За его плечом маячили ассистенты, вынося сумки с инвентарем из его личной раздевалки. В отличие от Юрия и ему подобных статистов, Джон когда-то действительно был звездой ринга, настоящим бойцом, в силу возраста сменившим рейтинговые поединки на дешевые шоу.

Джон скептически окинул взглядом раздевалку, вновь посмотрел на Юрия. Гарин выпрямился, бодрясь.

– Ты держишь удар, – с полуулыбкой похвалил Джон на лингво. – Давно я так не дрался.

– Спасибо, – Гарин улыбнулся в ответ.

Джон махнул на прощание рукой и скрылся в коридоре. Юрий остался сидеть, приятно удивленный.

Когда вернулся Йенсен, Гарин заканчивал одеваться и засовывал распухшие ступни во вдруг ставшие узкими ботинки.

Карл Йенсен, человек, спасший Гарина и Элли из космического плена, ныне секундант, менеджер, домовладелец, и, если верить его же словам, единственный на всей планете друг Юрия, пребывал в глубокой задумчивости, хмурил похожие на лохматые гусеницы брови. На немой вопрос Юрия он кивнул на дверь и первым вышел вон. Следом заковылял Гарин, стараясь разогнать гудящую боль в мышцах.

Вечерний Дэннийорд накрыл холодный дождь, не сильный, но какой-то монотонный и бескрайний. Тускло светилось дорожное покрытие, моргая разметкой, в лужах отражались вспышки наружной рекламы и мерцание голографических зазывал. Над крышами, со стороны далеких станций терраформинга, лениво тянулись струи свинцового пара, заменяющие здесь облака. Прохожие выглядели укутанными в дождевики мышами, суетливо шмыгающими из одной норы в другую. Изредка проносились транспортные капсулы, сигналив зазевавшимся пешеходам.

Юрий и Карл вышли из клуба на улицу и остановились под козырьком, вдыхая промозглый воздух.

– Ю, я тебя нихрена не понимаю, – вздохнул Карл, зябка потирая пальцы. – Я из кожи вон лезу, чтобы найти тебе работу, а ты ведешь себя так, словно тебе на все мои потуги жидко насрать.

– Так вышло, – пожал плечами Гарин.

– Ох, ну надо же! Похвально, – всплеснул руками Йенсен. – Так вышло, Ю? Серьезно? Или это шутка?

Он затих, рассерженно вдохнул влажный воздух. Уже спокойнее продолжил:

– Иногда проигрывая выигрываешь, Ю. Это такая долбаная диалектика. Ты же взрослый человек, надо понимать такие вещи.

Юрий вздохнул. Их на Земле воспитывали, что разведчики должны быть лучшими, должны идти до конца, несмотря на собственные слабости и страхи. Без этих качеств нечего делать в Изнанке. И теперь сложно за несколько месяцев научиться идти против себя, научиться сдаваться.

Мысли пронеслись и пропали, оставив горький осадок на душе. Изнанка, разведка, земляне... Кажущийся ничтожно малым корабль поколений, затерянный среди бездны звезд. И люди на нем – семья, друзья. Не знающие, насколько мир вокруг изменился. Не знающие, что этот мир вообще существует.

Юрий поднял глаза к небу, словно мог увидеть сквозь толщу облаков и пылевую атмосферу экзопланеты Канкри-55 знакомые очертания ковчега «Пилигрим-2».

Но над Дэннийордом никогда не видно звезд, их скрывал непроницаемый купол рукотворного циклона.

Четыре месяца. Отцы-духовники, он здесь уже четыре месяца!

Карл что-то затараторил, и задумавшийся Юрий вернулся к разговору на следующих словах:

– ...Так что, извини, – возмущенно развел руками Йенсен. – Для человека без инбы сложно найти что-то лучше. Тебя же вообще как бы нет, ты понимаешь? Ни тебя, ни Элли. Ты же не думаешь, что ее будут лечить задаром?

– Не думаю.

– Тогда как-то нужно более ответственно подходить к возможности заработать, Ю. Кстати, доктор сказала, что нужна более глубокая диагностика.

– Я знаю, Элли мне сказала.

– Цену тоже сказала?

– Нет.

– То-то и оно.

– Диагностика нужна, – убежденно сказал Юрий. – Если они не поймут что с ней, то не смогут вылечить.

– Ну, тогда надо думать, как еще денег заработать, – не стал спорить Карл. – Расходы и так немаленькие.

Гарин осуждающе посмотрел на него, покачал головой.

– Что? – непонимающе развел руками Йенсен.

– Ничего. Если бы ты не оставлял себе процент с моего заработка, то денег хватило бы.

Карл обиженно фыркнул, закрутился на месте, подбирая слова.

– Вот это номер! – наконец выдохнул он, возмущенно сопя. – От кого, но от тебя... Не ожидал, Ю, не ожидал!

Юрий смотрел в сторону в терпеливом ожидании.

– Ты что же думаешь, – Карл подступился вплотную и пытливо пытался поймать взгляд Гарина. – Что я все это ради твоих несчастных денег? Забрал тебя из полиции, поручился, дал жилье, пристроил Элли в больницу? Это сколько ж я с тебя денег имею? Миллионы?

Вопрос был, конечно, интересный. Гарин не привык к деньгам – на ковчеге не было единой финансовой единицы. Нормы питания и социальных потребностей ежемесячно определял Штаб, остальное решалось натуральным обменом. Конечно, Юрий знал, что такое деньги – в походах то и дело попадались разноцветные прямоугольные бумажки различного номинала, но никакой ценности для пытавшихся выжить людей они не представляли, плохо годились даже для розжига огня.

Здесь деньги именовали рубконами и они были не более материальны, чем слетевшая с губ математическая формула. Местные делали покупки, оплачивали счета, ставили в тотализатор и отдавали долги – но все где-то в цифровом пространстве, отсчитывая суммы из виртуальных кошельков.

– Я не знаю, сколько точно мне платят, – признался Юрий.

– Да ну? – было видно, что Карла задела тема, он считал себя беспричинно оскорбленным. – А я скажу, хочешь? Даже нет, не так. Давай я отдам тебе все заработанное тобой, и мы разбежимся. Вон, на пластик скину и шагай.

– Ты знаешь, что мне некуда идти.

– А мне что с того? Я же жадный урод, мне срать на твои проблемы.

Гарин решил, что хватит играть на нервах Карла. Он уже успел изучить круглолицего датчанина и знал, что тот легко заводится, но также легко и остывает.

– Извини, – Юрий повернулся к Йенсену. – Просто устал. Я знаю, ты многое для нас с Элли делаешь, и я благодарен тебе. Нужно работать больше – я буду работать больше. Мне главное, чтобы Элли поправилась.

Карл практически на глазах сдулся. Вот он стоял, нахохлившийся и красный, а вот уже опустил плечи и расправил морщины на лбу.

– Ты меня тоже пойми, Ю, – все еще обиженным, но уже более теплым тоном произнес Йенсен. – Я ведь все от чистого сердца. И те проценты... Ту часть, что я беру с твоего заработка – она же не в карман мне идет, а в дело. Сам же понимаешь, тут надо прикрыть, там подсластить. Чтобы проблем не было, понимаешь? Ни у тебя, ни у Элли. Кстати, пойдешь к ней завтра?

– Сегодня пойду.

– Не поздно?

– Нормально.

– Ну, привет ей. Деньги за бой обещали утром начислить. Я твою долю сразу тебе на пластик скину.

– Спасибо.

– Тебя подвезти? Я за углом припарковался.

– Пройдусь.

– Как знаешь. Ну, тогда до завтра.

Юрий покачал головой, хотел было протянуть для рукопожатия руку, но вспомнил, что здесь такие жесты не в ходу. Просто махнул ладонью уходящему датчанину, вышел из-под козырька на улицу.

Дождь барабанил по капюшону с меланхоличностью усталого музыканта. От этой серости и монотонности в голову лезли тяжелые мысли, сдобренные глухой тоской.

А еще страхом, хотя Гарин никак не хотел этого признавать.

Вокруг все чужое, незнакомое. Иная реальность, к которой он оказался не готов.

Оглушало разнообразие, которого, оказалось, Юрий был лишен на ковчеге. Еда, запахи, звуки, не всегда приятные, но каждый раз новые и странно притягательные. Ведь даже выбор рода занятий представлялся движением по огромной неизведанной сельве – здесь открывались такие возможности, о которых на Земле Гарин не мог и мечтать. На дрейфующем между мирами «Пилигриме-2» каждый подросток выбирал свое будущее из небольшого числа представленных функций. Штаб определял перспективные профессии и выставлял требования школам. Никто не мог стать врачом, если Земля нуждалась в инженерах и сантехниках. Ты мог покинуть функцию лишь в том случае, если в ней отпадала надобность. Или если ты больше не мог выполнять свою работу.

В этом мире ты мог стать кем угодно. В любое время, было бы желание.

Да, это пугало. Как пугало открытое небо над головой, внезапные порывы ветра и виртуальные актеры, снующие по комнате во время работы визора. Но этот страх не сковывал, не заставлял бежать в панике. Нет, это был тот страх, который знаком каждому разведчику – страх непознанного.

Пропустив торопливо пролетевшую машину, Гарин перешел дорогу и свернул на улочку, ведущую к больнице. Идти оставалось недолго, вон уже мерцал под темными струями дождя красный крест над входом в больницу.

Юрий буквально изнывал от отсутствия информации об окружающем мире. Каким образом цивилизация смогла выжить? Как люди смогли вырваться за пределы своей Родины и расселиться по всему космосу? Почему все стало именно таким, каким оно стало?

Вопросы, вопросы. Ответа на них пока не было.

В квартирке, которую Гарину предоставил Йенсен, в маленькой коморке с одним окном и узким санузлом, совсем не было книг и журналов. В них не было надобности – никто больше не использовал буквы для передачи информации. Балом правили визуальные технологии, яркими и реалистичными картинками дополняющие реальность. Все можно было посмотреть, послушать. Или закачать прямо в голову, в индивидуальную базу данных – в инбу.

Инба – кажущийся Гарину противоестественным, но любопытным симбиоз живой и неживой тканей, плод гениальных генетических решений. Средство связи, удостоверение личности, архив, кошелек, медицинский диагност, модуль для обучающих матриц и многое-многое другое в тончайшей паутинке искусственных нейронов. Ее невозможно получить в зрелом возрасте, с ней нужно родиться и вырасти.

Юрий так и не понял, являлось ли наличие инбы обязательным для всех. Йенсен говорил, что отказавшихся от нее – единицы, и они «либо тупые неудачники, либо гребенные религиозные фанатики».

Однако главным плюсом инбы, по мнению Гарина, была возможность быстро обучаться. Вон, как Карл, загрузил языковую матрицу, подтянул практикой артикуляцию, и меньше, чем за пару недель, сносно заговорил по-русски. А ему, Гарину, почти четвертый месяц приходилось учить этот ужасный лингво, больше похожий на набор сигналов, чем на человеческий язык.

Вот что хорошо удалось освоить, так это компактное средство связи – вифон, и устройства для демонстрации объемного изображения – визор. Юрий не знал принципа их работы, всех возможностей и, возможно, путался в терминах.

А ведь еще были внеземные цивилизации, межзвездные полеты, научные прорывы, искусственные люди, целый пласт неизвестной истории! Во все это хотелось зарыться с головой, изучать, копаться, сравнивать.

И несмотря на то, что Дэнийорд был всего лишь небольшой старательской колонией на задворках Вселенной, все его жители являлись гражданами огромной и могучей Империи Млечного Пути.

Империи, непостижимым образом выросшей из того агонизирующего мирка, который Юрий с товарищами собирались спасти на своем несущемся в никуда ковчеге.

Возле больницы всегда было грязно – к расположенному в конце улицы белому трехэтажному многограннику постоянно наметало песок. Юрий перепрыгнул через серо-черную жижу, чуть не поскользнувшись на мокрой траве. Нырнул под силовой купол, стряхивая с одежды капли дождя. По ярко освещенной дорожке дошел до центрального крыльца, но свернул в сторону, двинулся в тени вдоль здания, мимо полупустой парковки и отключенной на ночь информационной вывески. Воровато осмотревшись, подпрыгнул, ухватился за выступ и взобрался на козырек аварийного выхода. Выпрямился, запрокинув голову, постучал в темное окно.

Его ждали. С мягким шелестом отошла в сторону гармошка противопылевых жалюзи, приглашающее открылась узкая рама. Подтянувшись, Юрий перевалился через карниз и окунулся в сухой и приторный воздух больничной палаты.

– Привет, – мягкие губы приветливо коснулись его щеки.

– Привет, – Гарин попытался приобнять тонкую девичью фигуру в пижаме, но та пискнула, сопротивляясь:

– Ой, ты мокрый!

– Вообще-то дождь на улице, – Юрий скинул куртку, повесил на спинку стула. – Не разбудил?

– Я не спала, – Элли скользнула босыми ногами по мягкому полу и включила тусклый ночник, отбрасывающий на стены продолговатые оранжевые круги. – Есть хочешь?

– Не очень. Если только горяченького...

– Тут только диетическая программа, даже кофе нет, – девушка просматривала меню небольшого кухонного синтезатора. – Бульон будешь?

– Отлично! Самое то.

Юрий устало опустился в узкое кресло возле окна, с наслаждением вытянулся.

– Осторожно, не обожгись, – Элли передала ему бумажный стаканчик с густой полупрозрачной жидкостью, забралась с ногами на кровать. – Опять дрался?

Гарин неопределенно промычал, аккуратно пробуя горячий бульон.

– Неужели нет другого способа заработать? – с осуждением спросила девушка.

– Есть, – Юрий отлип от чашки, облизывая губы. – К тому же, я так еще и пар выпускаю.

– Через нос, как чайник? – девушка улыбнулась. – То-то он у тебя распух.

Только сейчас Гарин заметил как она похудела – заострились скулы, и без того большие глаза казались просто огромными.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, рассматривая Элли поверх чашки.

– Хорошо. Нет, правда. Чего ты так смотришь?

– Потому что на «хорошо» ты не выглядишь. Приступы повторялись?

Элли заерзала, отвела глаза.

– Почти нет.

– Элли!

– Честно! – девушка вскинула голову, тряхнув выросшими ниже плеч волосами. – Вот как на прошлой неделе случилось, так больше не было.

– Почему тогда тебя не выписывают? – Юрий хотел задать вопрос с легкой долей сарказма, но больничный бульон, насыщенный витаминами и нанитами, так приятно согревал тело, что фраза вышла просто заинтересованной.

– Доктор Джайна ничего не говорит, но один медбрат обмолвился, что у меня какая-то аномалия мозговой активности, – поделилась Элли. – Завтра обещали попробовать новую формулу лечения.

Девушка вздохнула.

– Может, я просто схожу с ума?

– С чего ты взяла? – губы двигались с трудом, веки словно налились свинцом. Гарин как мог, боролся с теплой негой, тянущей в объятия сна. Все же многодневная усталость брала свое.

– Это, наверное, от их процедур, – предположила девушка. – Как думаешь, Юра, они дают мне снотворное?

– Что? Нет, не думаю. Мы бы с Карлом знали, – Гарин заставил себя сесть прямо, протер глаза кулаком, разрывая рот долгим зевком.

– Устал? – в голосе девушки прозвучала неподдельная забота. – Ложись с краю, поспи часок. Я посторожу. Тебя во сколько разбудить?

– Нет, нет, – затряс головой Юрий, с трудом отказываясь от заманчивого предложения. – Мне скоро на работу. Это ты давай спи, а я пойду скоро. Тебе нужно больше спать, поправляться.

– А что потом?

– В смысле? – не понял Юрий.

– Что потом, когда я выйду отсюда?

По ее тону Гарин понял, что вопрос не праздный. Но сейчас он не был готов что-то отвечать или, тем более, обещать.

– Потом – суп с котом, – вспомнил он старую присказку.

В другой раз Элли обязательно сморщилась бы, сказала «Фу, какая гадость!» и атмосфера разрядилась бы. Но сегодня девушка была по-особенному задумчивой, не восприимчивой к шуткам. Она сидела в полумраке, черным силуэтом на фоне оранжевых бликов, теребила в тонких пальцах край пижамы и долгим, тоскливым взглядом смотрела куда-то перед собой.

Гарин был слишком уставшим, чтобы заметить это.

– Мне страшно, Юра, – почти шепотом произнесла Элли. – Мне иногда видится такое... Я словно все время сплю и так сложно проснуться. Меня словно нет здесь, не должно быть. А еще люди, некоторые, я вижу, они словно пустые! Я боюсь, что закрою глаза и все исчезнет...

– Элли, ну что ты! – Юрий пересел к девушке на кровать, прижал ее к своей груди. Сквозь футболку почувствовал горячие слезы.

– Все будет хорошо, я обещаю, – приговаривал он, глядя мягкие волосы. – Это просто последствия анабиоза. Навалилась ночная хандра. Ну ее, не принимай близко к сердцу.

Элли подняла мокрое от слез лицо, посмотрела в глаза Гарину.

– Спасибо тебе за все, – тихо сказала она. – Спасибо, что ты есть.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулся Юрий. – Мы же не чужие люди! Ты мне как младшая сестричка!

Во взгляде девушки что-то промелькнуло и пропало, что-то сложное, невысказанное. Гарин не успел понять что именно, но Элли уже отстранилась, вытирала лицо платком.

В кармане завибрировал вифон, упрямо и требовательно. Юрий раздраженно стукнул по нему сквозь ткань, тот обиженно звякнул и заткнулся.

– Таймер, – пояснил Гарин. – Пора уходить.

– Завтра зайдешь? – спросила девушка.

– Постараюсь, – честно признался Юрий. – Не я, так Карл заскочит. Надо с твоим врачом поговорить, узнать, что еще нужно. А ты давай не раскисай, думай о хорошем. Договорились?

– Договорились, – девушка искренне улыбнулась.

– Ну вот и ладно, – Гарин раскрыл окно и полез наружу. – Если что – звони. Прибегу в любое время.

– Я знаю. Ты не можешь иначе.

– Да... Иначе не могу.

Ноги в потяжелевших от влаги ботинках промокли, раздражающе ныл разбитый нос, в глаза будто песка насыпали. Но настроение у шагающего по ночному городу Юрия было приподнятое, уютное. Так было всегда после общения с Элли.

Каждому иногда нужно знать, что он не одинок посреди раскинувшейся во все стороны Империи Млечного Пути.

3. Карл Йенсен

Чертов русский оказался поистине хорошим вложением, без дураков. А ведь когда старый хрыч Оли посоветовал его из полиции забрать, то были сомнения, были. Ну а как без сомнений-то? Вдруг не окупилась бы идея? Это только комиссар был рад от Гарина избавиться, все равно не знал, что с ним делать. А вот с остальными пришлось договариваться через кошелек.

Но как же он сегодня врубил этому Арматуре Джону! Тот чуть на жопу не сел. Ей-ей, если бы Ю попер до конца, то неизвестно чем бы все обернулось!

Йенсен жестом отключил автопилот, взял управление капсулой в свои руки. Иначе эта рухлядь могла опять подавить соседские газоны.

Вдоль дороги замелькали серые коробки домов родного квартала, желтыми огнями освещались места для парковок. Большинство жителей этого не престижного района уже дрыхли, готовясь к очередному дню работы на корпорации. Редко где горел свет в маленьких окнах, еще реже попадались прохожие.

Видит бог, скоро он отсюда свалит! Насовсем свалит! Надоели эти халупы, построенные еще на месте первой колонии.

Жалко, что не удалось обнаружить сам корабль, от которого модуль с Ю и Элли отвалился. На бедном дузере трижды возвращались в тот сектор, чуть не раздолбали в конец бедную посудину. Анализаторы, даром, что перепаянные со старого имперского разведчика, без остановки нюхали вакуум, аж визжать начали. Когда остаточный радиоактивный след на табло высветился, Карл чуть целоваться к напарнику не полез. Как оказалось – зря. Да, был звездолет. Был и сплыл. Куда и как – непонятно. Чертовщина, одним словом.

А то можно было бы неплохо подзаработать, за подобных найденышей хорошо платили. Что ж, не таком, так раком – нет корабля, хоть на спасенных денег поднять. Как? А вот тут и появился дядя Оли со своей схемой.

Схема до тупости простая – найти работу, не требующую особенных навыков и знаний, устроить на нее Ю под учетным именем «Карл Йенсен» и получать за него зарплату. Нет, Карл не был безобразным эксплуататором, он честно отстегивал двадцать процентов русскому, плюс оплачивал содержание в больнице Элли. А что, вполне равноценная сделка – Ю без инбы и документов все равно никуда бы не взяли, да и Элли без страховки лечение заказано. А так – все при деле, все довольны.

Стояночные огни возле дома немного барахлили и не сразу откликнулись на свет фар. Карлу пришлось парковаться практически самому, пока он наконец не почувствовал мягкий толчок и капсула не скользнула в освещенный желтым «карман».

– Ведро с болтами, – сквозь зубы выругался старатель и откинул дверь.

Ничего, машину тоже обновим. Будет не хуже, чем у пижона Мартина.

Дом встретил Карла привычно химическим запахом полуфабрикатов и приглушенным разговором, доносящимся из зала. Скинув ботинки, Йенсен отдал пальто высунувшейся из стены вешалке и, вытянув шею, выглянул за дверь.

Ингер, как обычно в последнее время, сидела в своем любимой кресле с промятой спинкой, а визор крутил перед ней серию из очередной тележешки. По залу прохаживались виртуальные актеры, дальняя стена комнаты превратилась в больничную палату. Судя по тому, что Карл успел услышать, актеры выясняли, кто из них кого предал и что теперь делать с женщиной, которая любит их обоих, но не может быть с ними, так как на самом деле робот.

Стараясь не отвлекать жену, а то еще начнет задавать неудобные и глупые вопросы, Карл проскользнул со всей возможной грацией своего тучного тела в кабинет и аккуратно прикрыл за собой дверь. Уже здесь расслабился и с наслаждением плюхнулся на мнемостул, который

принялся массировать поясницу и между лопатками. Впрочем, не слишком активно – элементы питания сдыхали, а на замену пока что не было ни времени, ни средств.

После нескольких минут заслуженной неги, Карл вновь вернулся к насущному.

Откупорив банку прохладного пива, Йенсен подумал о том, что было бы неплохо оформить над Элли опекунство. А там, глядишь, выздоровеет, и ей работку подберем.

В глубине души Карл понимал, что делает не совсем правильные вещи. Эта мысль нервировала, и старатель велел ей заткнуться.

Он закинул ноги на кровать и, неторопливо потягивая пиво, уставился задумчивым взглядом куда-то сквозь стену. Вздогнул, когда в тишине комнате запищал сигнал вифона. В воздухе проявилась надпись: «Оли барахолка».

– Алло, – отозвался старатель.

Вифон продолжил пищать, переливаясь разными цветами.

– Зараза!

Чуть не расплескав пиво, Йенсен спустил ноги на пол, дотянулся до покрывала, под который завалилось устройство, и откинул его. Повторил уже громче:

– Алло!

Буквы моргнули и на их месте, вместо видеокартинки, появился черный контур человеческой головы с пометкой «Абонент скрыт приватностью». Раздался брющающий голос старого Оли:

– Не спишь?

– Не сплю, – Карл бросил взгляд на дверь, удостоверившись, что та закрыта. – Чего шифруешься?

Оли прокашлялся, смущенно ответил:

– Не люблю я эти новомодности с изображением. Ни яйца почесать, ни в носу поковыряться.

– Так ты не ковырай. И не чеши, – резонно предложил Карл.

Собеседник еще раз кашлянул, словно такая идея не приходила ему в голову. Потом ответил:

– Я, собственно, вот чего звоню. Нашел я покупателя на твои реликты.

– О, отлично, – приободрился Карл. – Кто?

– Не местный.

– Собственно, мне насрать.

– Ну и я о чем.

– На какой цене сговорились?

– Тысяча триста.

Йенсен нахмурился.

– Чего-то ты путаешь. Раритетный отсек с древнего корабля, да еще и в таком состоянии, должен был уйти куда как дороже.

Оли на другом конце сигнала хмыкнул, с издевкой забрюзжал:

– Так-то оно так, только на этом твоём древнем отсеке значок биологической опасности стоит. И, думается мне, что сертификата карантинной службы у тебя нет.

Точно! Вот что это был за значок, похожий на желтого растопыренного осьминога!

– Че, приуныл? – насмешливо спросил Оли.

– И как теперь быть? – сокрушенно спросил Йенсен.

– Как, как... Каком кверху. Мои ребятки все подчистили, не ссы. Но цену пришлось скинуть, сам понимаешь.

– Угу, – Карл непроизвольно сжал кулаки, словно мог удержать внезапно утекающую прибыль.

Но Оли еще не закончил.

– Не вешай нос, родственник, – старый пройдоха выдержал паузу. – Восполнишь ты свою потерю с лихвой.

– Говори.

– Я саркофаг, который в отсеке был, отдельно загоню. По хорошей цене, ей-ей.

– Какой саркофаг?

– Кριοкамера, балда. Для анабиоза.

– Нахрена ты его демонтировал из медблока?

– Ничего я не демонтировал. Он не часть отсека.

Тут Карл позволил себе удивиться.

– Как не часть отсека?

– Так, не часть. Мои приборчики показали, что эта хрень сильно старше.

После короткой паузы добавил:

– Да и вообще ... У этой кριοкамеры технология какая-то непонятная.

– В смысле – непонятная?

– Непонятно как работает, вот какой смысл. Там, собственно, и работать то нечему, ни механизмов, ни электроники, ни датчиков. Я много чего своими руками в жизни разбирал, но такого еще не видел.

Было слышно, как Оли закричал, прочищая горло. Йенсен терпеливо ждал, забыв про пиво.

– Я тебе так скажу, родственник, – произнес, наконец, барахольщик. – Раз этот саркофаг засунули в медицинский модуль с функцией аварийного отстрела, значит, очень сильно они его опасались. Мы, само собой, все проверили, никакой заразы не нашли. Но ты там присмотришься к своим найденышам получше. Что-то с ними не так.

Йенсен только крякнул, чувствуя, как беспокойно засосало под ложечкой.

4. Юрий Гарин

Юрий прыгнул и плечом врезался в размахивающего ножом старателя. Тот не удержался на ногах, и они вместе рухнули на пол, разгоняя столпившихся зевак. Тучная фигура мягко спружинила под Юрием, из груди вырвался тяжелый алкогольный выдох. Не дав противнику опомниться, Гарин перехватил потную руку, вывернул кисть с ножом и вытащил оружие из разжавшихся пальцев. Старатель возмущенно завозился, пытаясь скинуть Юрия, но тщетно.

Рядом сдержанно ругался Андерс, хлопая по щекам другого загулявшего гостя. Тот никак не желал приходить в себя после хорошего тычка парализующим стэкком, лишь бессвязно мычал. Чуть в стороне от напарника сидела на полу пьяная виновница конфликта. Задранное платье оголило толстые ляжки, белыми окороками выделяющиеся в полумраке клуба. Посетительница самодовольно выдыхала в воздух сигаретный дым, с гордостью окидывала присутствующих мутным взглядом коровьих глаз.

Вокруг ухала и грохотала музыка, синтетическая и надрывная. На танцполе, в вихре меняющих цвет частиц, извивались и прыгали люди. За ними наблюдали пьющие и курящие гости, развалившиеся под звукоподавляющими куполами столиков. Среди них незаметными призраками мелькали официантки.

Бессвязно мычащих и икающих клиентов отвели в рекреационную, вежливо улыбаясь и успокаивая. Юрий вернулся в зал, расположился возле бара. Посмотрел на свои дешевые наручные часы – до конца смены осталось пара часов. Слава отцам-духовникам!

– Смотри, – привлек его внимание чернокожий бармен, наваливаясь на стойку толстым животом. – Кирасиры спустились. Сейчас пойдет жара!

Сквозь светящуюся арку в зал вошли четверо, все в одинаковой форме с серебристыми значками на плечах и рукавах. Секунду задержались, высматривая свободный столик, с чувством собственного достоинства двинулись за подошедшим администратором. За ними, словно подсолнухи за солнцем, поворачивались лица сидящих гостей. Кто-то резко засвистел, но его оборвали.

Они выглядели чужеродными здесь, среди грубых докеров, старателей и проституток. Как дорогие ружья среди грязных мотыг.

– С «Кальмия», – прокомментировал заметно повеселевший бармен. – Из похода вернулись. Хорошо, если опять на ремонт задержатся.

– Почему? – не удержался от вопроса Юрий.

– Ты откуда свалился? – хмыкнул бармен, искоса посмотрев на Гарина. – Они в походе восемь месяцев торчали, без выпивки и женской ласки. Сейчас самый заработок пойдет, только отгребай.

Из светящейся пыли проявилась деловитая официантка, спешащая с подносом. Бармен только успел кинуть ей, подавшись вперед:

– Надолго они?

Та лишь пожала плечами, убегая прочь.

Бармен закричал, втягиваясь обратно за стойку, как черепаха в панцирь. Взгромоздился на стул, подперев кулаками бока. На его лице читался весь спектр эмоций.

Юрий слушал бармена в пол уха. Он с неподдельным любопытством разглядывал гостей в форме, которые беззаботно развалились за угловым столиком и, улыбаясь, беседовали с подсевшими к ним девушками.

Про крейсер «Кальмия» Гарин слышал. Собственно, про него было сложно не услышать – кирасирский крейсер Имперского флота в одиночку патрулировал сразу несколько приграничных секторов, одним из которых являлась система Омега-Канкри. И каждое прибытие военных в Дэннийорд было знаменательным событием, для кого-то раздражающим, для кого-то

радостным. Но факт оставался фактом – «десант» кирасиров в маленькую колонию мало кого оставлял равнодушным.

Что же сам Юрий знал о вооруженных силах Империи Млечного Пути? Среди развлекательных программ на визоре попадались военные фильмы. Гарин не мог судить, насколько их сюжеты и образы соответствовали реальности, но всегда смотрел их с особенным интересом.

В кино кирасирами называли смелых и решительных людей, несущих службу на огромных бронированных звездолетах. О них отзывались как о «нашей тяжелой кавалерии» или как о «кулаке прорыва». Юрий не имел никакого представления о тактике ведения космических боев, но предполагал, что крейсера играют в них очень важную роль, потому как в кино их либо с огромным трудом уничтожали, либо самоотверженно защищали.

– Как можно стать кирасиром? – спросил Гарин у бармена.

Тот не ожидал подобного вопроса от молчаливого вышибалы, переспросил:

– Чего?

– Как можно стать кирасиром? – терпеливо повторил Юрий.

Бармен пожал плечами, хмыкнул, словно ответ на вопрос казался ему более чем очевидным, наконец, ответил:

– Ну, ты спросил... Надо пойти служить во флот.

Это понятие было Юрию уже знакомо. Он даже знал, что его Корпус Разведки на далекой Земле имел много общего с нынешними военными структурами. Поэтому следующий вопрос он задал со знанием дела:

– Какие для этого нужны навыки?

Бармен засмеялся, отмахнулся.

– Ты, дружище, как с окраины... Без обид, ок? – он примирительно поднял руки. – Навыки сейчас пришивают в любой захудалой студии биомеханики, только бабло отваливай. Или вон, как эти, потомственные военные, сразу собирают своих чад в пробирках так, как надо. Не, тут одних навыков маловато будет.

Юрий перевел взгляд на кирасиров. Они не выглядели внушительно и опасно. Да, скорее всего военные имели искусственные органы или другие усилители, но вот в остальном... Даже молодой разведчик Стась выглядел более опасным.

– Если хочется офицером стать, которые пилоты или, там, штурманы, тогда это в Академию поступать нужно, – продолжил бармен, развивая тему. – В нашей дыре таковых нет, это надо ближе к Метрополии.

Бармена отвлекли заказом. Он быстро сделал разноцветный коктейль в широком бокале и передал ждущей официантке. Вернулся к Гарину.

– Оно, конечно, можно и обычным солдафоном пойти, десантником там, или обслугой. Тогда все равно надо курсы пройти, получить специальность. И что тебе именно во флот? Вот, в Планетарную оборону попасть намного проще. Довольствие, конечно, пониже, но жить можно.

Ни один из перечисленных способов не показался Юрию достаточно быстрым. У него не было времени проходить курсы и учиться в Академиях, ему было необходимо попасть на крейсер уже сейчас, пока ковчег не удалился слишком далеко.

О том, что он будет делать на крейсере, и как именно сможет воспользоваться ресурсами военных, Гарин не думал. Был уверен, что разберется на месте.

– Ну и, естественно, – решил закончить рассказ бармен. – Для всего этого надо быть гражданином Империи. Иметь положительный статус инбы, право участвовать в голосованиях и прочее... Но это так, меньшая из проблем.

Бармен ободряюще подмигнул Юрию и ушел в дальний конец стойки, где из полумрака ему уже сигналил клиент.

Да уж, «меньшая из проблем». Чтобы стать гражданином Империи нужно быть сыном гражданина Империи. Либо получить этот статус за особые заслуги. Так объяснил Йенсен, когда Гарин попросил его устроить судьбу Элли.

Да, Элли. Он ведь действительно не думал, что будет с ней дальше. Про себя Юрий все давно решил – ему нужно любым способом вернуться домой. Если получится, привести с собой помощь. Это его долг перед всеми обитателями Земли и перед самим собой.

Но на другой чаше весов покоилась судьба Элли, которая в нынешнем своем положении нуждалась в Юрии не меньше. Из-за нее Гарин не мог просто все бросить и направить все силы на поиск ковчега.

Нечестный выбор. Подлый.

А время шло, дни превращались в месяцы, и проблема не желала решаться самостоятельно. Элли шла на поправку крайне медленно (если вообще поправлялась), история о ковчеге превратилась в несмешную шутку – огромный корабль поколений словно в воду канул. Самое обидное, что теперь Гарина считали обманщиком, а любые разговоры про ковчег пресекались резко и грубо.

Единственный, кто по-прежнему верил и поддерживал Гарина с Элли, это Карл Йенсен. Единственный, решивший помочь. Старающийся помочь. Делаящий хоть что-то.

Впрочем, Гарин не испытывал насчет датчанина иллюзий. Прекрасно понимал, зачем они Карлу. Понимал, но принимал – пока что их интересы совпадали.

Мимо Гарина прошли две откровенно одетые девушки с влажными взглядами. От них исходил чуть заметный запах гормональных духов, сладковатый и тягучий. По шее одной из женщин, от уха и почти до самой ключицы, порхали неоновые бабочки-татуировки.

Девочки из «Миндаля». Проститутки или стриптизерши. Лицевое моделирование сделало их привлекательными, но какими-то искусственными, глянцевыми, неуловимо друг на друга похожими. Ни родинок, ни морщинок, ни той иной несимметричности, которая делает лицо человека уникальным и запоминающимся.

– Смотри, смотри, – вдруг затараторил бармен, указывая подбородком за спину Гарина. – Дистант!

Возле столика с молодыми девушками-студентками стояла пара военных. Один, коротко стриженный парень с рыжим чубом, рассказывал что-то уморительное, активно жестикулируя и улыбаясь во весь рот. Рядом с ним поигрывал вином в бокале второй кирасир.

Не человек.

Узкое лицо с маленьким бугорком носа и четкой линией рта. Со лба, огибая огромные мерцающие глаза, на щеки спускались симметричные полумесяцы цвета крови – не то татуировка, не то родимые пятна. Голова, кажущаяся абсолютно лысой, в лучах света мягко светила ореолом легкого пушка. И плавные, очень плавные движения, словно в этом существе вовсе не было костей.

– Вот ведь урод, – беззлобно прокомментировал бармен.

Дистантами называли всех представителей иных миров, с которыми повстречалось человечество. Местные чаще использовали слова «чужие» или «уроды».

До сих пор дистантов Юрий видел только по визору.

Дистант-кирасир словно почувствовал взгляд Гарина, повернулся в его сторону. На секунду их глаза встретились, и кирасир приветственно поднял бокал.

Глаза чужого напоминали черные блюдца с россыпью постоянно движущихся серебристых крапинок. Глубокая звездная бездна, полная чуждого разума, непонятного и вызывающего.

Этот дистант представлял расу аджай. Юрий знал, что они некогда воевали с людьми, потом влились в Империю. Так об этом рассказывали в фильмах.

Аджай-кирасир отвернулся и что-то вставил в рассказ товарища, качнувшись в сторону девушек. Те фыркнули от смеха, прикрывая руками рты.

Гарин с трудом заставил себя вернуться к работе. Про себя подумал, что раз уж бывшим врагам нашлось место в Империи, то уж точно найдется оно и для обитателей «Пилигрима-2». И, безусловно – для Элли.

* * *

Дурацкий сон. Липкий и тягучий, как черная смола. Он опять бросался к протянутой руке, хотел спасти, помочь. Но не успевал, хватал воздух, летел кубарем в пропасть, злую и зубастую. А вокруг пузыри, как один похожие на его корабль-Землю. Лопаются, лопаются, лопаются...

Юрий вздрогнул и открыл глаза, протяжно втягивая воздух носом.

За бордовой занавеской шелестел песок, скользя по оконному стеклу. Бледный дневной свет с трудом просачивался сквозь полог.

– Опять песчаная буря, – раздался голос Карла. – Воздушные купола не справляются.

Он стоял, привалившись к косяку, и попивал из прозрачного стакана. Судя по его прищуренным глазам и прищмокивающим губам, в стакане было что-то крепкое.

– Я чуть не обмочился, когда ты зубами заскрежетал, – усмехнулся датчанин. – Кошмары мучают?

Он сделал неуловимый жест, и потолок засветился ровным золотистым цветом.

– Ерунда, – Гарин приподнялся и сел, облокотившись спиной о подушку. В голове, еще не прояснившейся ото сна, мелькнула похожая картинка – он, проснувшийся, играющая фантиками девочка, брат и подсолнухи за окном.

Картинка мелькнула и пропала, оставив давящее ощущение в груди. Осталась реальность, Карл и песчаная буря.

– Который час? – Юрий отбросил одеяло, опустил ноги на теплый пластик пола.

– Половина одиннадцатого, – Йенсен чашкой указал на мерцающие на стене цифры часов. – Вставай, я там тебе чай приготовил.

Надо же, опять будильник не услышал! Пора вставать.

– Заботливый... Ты тут каким ветром? – спросил Юрий, одеваясь. За его спиной кровать с легким скрипом уехала в стену.

– Попутным. Что, я не могу просто так забежать к лучшему другу?

В маленькой комнатке, служащей одновременно и гостиной и кухней, еле слышно играла музыка, что-то легкое и мелодичное. За псевдоокном, под теплым летним солнцем, простиралось бескрайнее зелено поле с торчащей над колышущейся травой старой мельницей. Все так приятно, что можно не обращать внимание на одинаковые коробки мебели и потемневшие от времени стены.

Датчанин с кряхтением завалился в потертое кресло, полностью заняв его своим тучным телом. Поставил на круглый столик стакан – там уже лежал на тарелке надкусанный бутерброд с сырным паштетом, и довольно потер руки, словно готовясь принести долгожданную весть. На сей раз Юрий не стал поддаваться своей раздражительности, молча прошаркал к столу.

– Хочешь поржать? Я тебе рассказывал, как мой двоюродный брат с синтетической бабой сауну принимал?

– Я бы запомнил.

– Тогда слушай, – Йенсен заерзал в кресле. – В общем, заказал он себе в сауну реплика, брюнетку с сиськами вот такими. Понятно зачем, не для философских бесед. И тут надо добавить, что у брата моего есть неприятная болезнь – от полового возбуждения редко, но случаются приступы удушья.

Юрий вымученно закатил глаза.

– Ну, бывает, – улыбаясь, продолжил датчанин. – Все не вылечит никак... В общем, пока он с этой искусственной девкой развлекался, его очередной приступ настиг. Он на лавку плюхнулся, да рукой ингалятор смахнул на пол, прямо в мыльную воду. Сам сипит, вдохнуть не может, указывает этой, мол, помоги! Ну, реплик и принялась за ингалятором гоняться. Бегаёт, намытой голой задницей сверкает, отчего у брата еще хуже прихватило. Только без толку – не могут суперсенсорные руки этой дуры скользкий от мыла баллончик схватить. Пришлось брату того... спасать себя самому, по-быстрому. Снимать возбуждение, так сказать, своими руками...

Гарин сухо хмыкнул. Он не выпался и плохо воспринимал юмор датчанина.

– А то так и загнулся бы, – Йенсен и без реакции Юрия сам себя развеселил, давась смехом. – Это я к чему все, Ю. Как сказал мой брат, пока реплики не научатся держать в руках мыло, не равняться им с людьми.

У Юрия был опыт общения с женщинами-репликантами. Собственно о том, что переспал с роботом, он узнал лишь утром, под зазорный хохот Карла. Лишь тогда вспомнились определенные странности – слишком гладкая кожа, необычная фактура волос и своеобразный запах, исходящий от тела. В остальном – обычная девушка, легкомысленная и глупенькая.

– Занимательная история... Ты в больницу заезжал? – спросил Гарин у покрасневшегося Карла.

Йенсен хлопнул себя по колену, вздернул брови.

– А я как раз к тому и веду, – воскликнул он. – Есть у меня отличнейшая новость, Ю!

– Ты говорил с доктором? – оживился Гарин.

– Бери выше, – палец Йенсена указал насколько именно выше. – С одним из учредителей.

Карл смог удивить Юрия. Больница, в которой лежала Элли, была малой каплей в сети медицинских учреждений, принадлежавших одной крупной компании и разбросанных по всей Империи. А учитывая местоположение больницы, она могла считаться самым дальним объектом компании. И встретить здесь одного из руководителей по-настоящему большая удача.

Йенсен понял причину удивления Гарина.

– Довольно приятный мужик, скажу я тебе, – Карл важно сложил руки на груди, словно подобные знакомства ему в привычку. – Простой такой, в обычной рубашке и куртке. Вот мимо бы прошел и не подумал бы. Потом только заметил золотую дугу за ухом...

– Причем тут он и Элли? – подтолкнул его Юрий к сути разговора.

– Прихожу я к Элли в палату, справиться, что и как, а там он стоит. Он и доктор наша лечащая, как ее там...

– Джайна. Доктор Ида Джайна.

– Ну да, ага. В общем, доктор сразу ушла, а этот остался. Серьезный такой, деловой. Сразу хватку видно. Поболтали с ним малость. Он про Элли спрашивал, кто, мол, такая, есть ли родственники, почему нет страховки. Я говорю, так и так, найденыш, родни нет, за лечение плачу я один, из чувства чистого альтруизма...

– Зачем ты так сказал? – нахмурившись, спросил Юрий.

– А что не так? – выпятил губу Карл. – Все чистая правда. Да ты не дуйся, как мышь в вакууме, ты дальше послушай. В таких делах лучше мощной не трясти, а наоборот, дыры в карманах напоказ выставлять. У этих, столичных, сейчас бзик на благотворительность. Так сказать, чтобы не стыдно было с тебя последнее срезать, а так, вроде бы, что-то в обратку возвращают. Что для нас с тобой человеческая взаимопомощь, для них – социальный подвиг, достойный всяческого восхвалений.

Юрий кашлянул, призывая Йенсена вернуться в русло беседы.

– Короче, я не ошибся, – гордый собой, Карл победно заулыбался. – Он такой мне: «Вижу я, что случай тяжелый, не требует отлагательств, будем решать вопрос о срочной операции. А, имея в виду обстоятельства и личность больной, все расходы возьмем на себя».

– Операция? – переспросил Юрия. – Что еще за операция?

– Сказал, на мозге. Он там терминами сыпал, я мало что понял. Вроде бы как у нее там какие-то провалы, дыры. Что-то такое, типа «рваные извилины».... Не знаю, в общем, но звучало пугающе.

– Подожди, – Гарин жестом остановил Карла. – Они же говорили, что у нее все анализы в порядке. Не могли же они такое просмотреть.

– Ой, я тебя умоляю, – всплеснул руками Йенсен. – А то ты не знаешь наших эскулапов? Я тебе могу таких историй рассказать, как на ровном месте лажали... А тут специалист приехал, они при нем херовничать не посмели. Ты не думал, что они девчуху нашу так долго держать, чтобы с нас побольше денег срубить?

– А, ну понятно, о чем ты, – разочаровано протянул Юрий.

– Чего «понятно»? – обижено переспросил Йенсен. – Для меня Элли как дочь... приемная. Мне на ее лечение никаких денег не жалко. Но, согласись, глупо платить тем, кто тебя пытается надуть. К тому же, ты сам видишь, ей лучше-то не становится от ихнего лечения. Значит что? Значит или лечат плохо, или не лечат совсем.

Как бы ни хотел Гарин, но некий резон в словах Карла был. Пусть темнокожая доктор Джайна не производила впечатления некомпетентной и лживой, но положительных результатов назначенного ею лечения действительно не было.

– Я позвоню Элли, – решил Юрий. – Спрошу ее мнение.

– Чего спрашивать-то? – поразился Карл. – Тут и так все понятно, соглашаться надо.

– Я все же позвоню.

– Звони, – разочаровано отмахнулся Карл. – Только ты смотри – девчонка есть девчонка. Пойдешь у нее на поводу – упустите хорошую возможность.

Гарин молча отхлебнул чай.

После завтрака, когда Юрий принялась убирать со стола, Йенсен положил за губу пластинку жевательного табака и вышел в полусферу балкона, где по толстому стеклу прыгали острые песчинки песка.

– Ю, у меня для тебя одно дельце имеется, – Йенсен размял шею и добавил доверительно. – Хорошее дельце.

– Точно «хорошее»? – усмехнулся Юрий.

Йенсен прокашлялся и заговорил уже своим обычным голосом, улыбаясь:

– Хорошее, Ю, хорошее. Не совсем обычное, но хорошее. А главное – с приличными премиальными в случае успеха.

– Вот это твоё «в случае успеха» как-то настораживает.

– Ну, от неудач застрахованы только мертвецы, – глубокомысленно продекламировал Йенсен. – Но ты не парься, там, на самом деле, все проще простого.

– Переходи уже к делу. Речь идет о чем-то незаконном?

Датчанин сделал было страшные глаза, готовый возмущенно фыркнуть, но передумал, разом сдулся и кивнул. Уже без всякой спешки и экивоков добавил:

– Но ты не думай, там не какой-то чтобы прямо криминал. Так, небольшой обход корпоративной системы.

Про корпоративные системы Юрий знал. Собственно, на Канкри-55 все подчинялось законам и порядку двух корпораций – «Азалии» и «Гронсу Спэйс». Первая основала Дэнний-орд и занималась разработкой астероидных полей, вторая – вгрызалась в недра Канкрии-55, размножаясь мелкими шахтерскими постами. И та и другая определяла будущее живущих здесь людей, требовала от них соблюдения определенных правил и условий.

– Если кратко, надо найти и привезти в город то, что сбросят в пустыне, – сообщил Йенсен. – Ничего сверхсложного.

– Контрабанда, – дал оценку Гарин.

– Чуть-чуть, – датчанин пальцами показал, что совсем чуть-чуть. – Ты меня знаешь, за тухлое дело я бы не взялся. И тебя бы не потащил. Мне вообще эту работку по-свойски подкинули, по-родственному. Там все давным-давно налажено, риска никакого. А заработать можно...

И он назвал сумму.

Юрий хмыкнул – Карлу хорошо говорить про отсутствие риска, не ему же таскать незаконные товары из пустыни в город. Однако, озвученная цифра действительно вызывала интерес.

– Элли эти деньги очень понадобятся, – добавил Йенсен. – Опять же, сможем что-то отложить на будущее, не век же нам в этой помойке торчать. А переезд требует средств.

Гарина словно в бок толкнули.

– Кстати, про переезд, – он взял за локоть Карла. – Мне нужно попасть на военный крейсер.

Йенсен немного опешил от такого заявления. Проговорил:

– Но это невозможно!

– Время уходит. Я должен найти свой корабль.

Датчанин состроил кислую мину, словно наступили на старую мозоль.

– Ты опять за свое. Ну мы же искали, Ю, искали! Нету его нигде...

– Йенсен, положи руку на сердце, какие у меня иные варианты? – Юрий посмотрел товарищу в глаза. – Смириться и забыть! Я так не могу. Здесь мне никто помочь не может, нет ни ресурсов, ни желания...

– Ю!

– Я не про тебя, я в целом, – отмахнулся Гарин. – Я понимаю, что ты сделал что мог, что полиция искала, что данные с зондов и все такое... Но не мог такой огромный корабль просто исчезнуть! Может, пропустили что-то, может что-то не учли. И тут уж у меня надежда только на себя самого.

– И поэтому ты хочешь попасть на крейсер? – поднял бровь Йенсен.

– Почему бы и нет? На собственный корабль мне никогда не накопить, торговые караваны ходят лишь до Арки и обратно. А военные, они летают по всему сектору, у них и разведывательные катера имеются...

Датчанин опустил на край стула, потер наморщенный лоб. Было видно, что он хочет привести какие-то аргументы, но не находит их. Наконец попытался прибегнуть к здравому смыслу:

– Ю, я, правда, понимаю твою ситуацию. Ну, может быть, не совсем понимаю, но стараюсь, честно, – для наглядности он приложил ладонь к сердцу. – Но то, что ты задумал, полная херня. Чтобы ты там ни задумал.

– У меня нет выбора, – повторил Гарин.

– Есть! – уверенно возразил датчанин. – Выбор есть всегда. Не всегда он такой, какой нам нравится, но тем не менее. Пойми, тебе не попасть на крейсер. А даже если и попадешь, то тебе не уговорить их помочь тебе. Тебя попросту вышвырнуть прочь, если не пристрелят раньше.

– Я очень постараюсь, – Юрий был тверд и непреклонен. – Я умею быть терпеливым.

– Ты умеешь быть тупицей! – в сердцах выпалил Йенсен. – Какой у тебя план?

И, не дав, ответить, ткнул пальцем в Гарина:

– Да нету у тебя плана! Знаешь почему? Потому, что ты нихрена не смыслишь в том, что собрался сделать. Ты думаешь, вот так запросто сможешь попасть на крейсер, там уломать командующего, чтобы он пустил к херам все планы и графики, бросился искать твою посу-

дину, болтающуюся невесть где в космосе? Или что? Решил угнать катер-разведчик? Захватить крейсер? Какой у тебя план, Ю?

Гарин молчал. Он не хотел продолжать разговор в таком тоне. К тому же, как это ни прискорбно, Йенсен был прав – плана у него действительно не было. А были лишь непреодолимое желание и уверенность в собственных силах.

– Молчишь? – по-своему расценил датчанин. – Осознал? Тогда я еще спрошу – а ты про Элли подумал? Она же на тебя надеется, а ты ее вот так бросить удумал? Я то, конечно, помогу, но кто я ей? Или ты решил всю жизнь перечеркнуть ради своих мифических историй?

– Это не мифическая...

– А я почему знаю? – перебил Йенсен, прищурившись. – Про этот ковчег я только с твоих слов знаю. Элли, допустим, ничего подобного не помнит.

Тут уже не выдержал Гарин. Переспросил, закипая:

– Ты думаешь, я лгу?

Йенсен отмахнулся:

– Да верю я тебе, верю. Не заводись. Только то я, а то другие люди, Ю.

Он подался вперед, голос его стал мягче:

– А может, стоит уже смириться? У тебя есть новая жизнь. У Элли будет новая жизнь. Не разрушай это. А потом, когда встанешь на ноги, сможешь заняться своими поисками. Ведь дрейфовала твоя древняя консерва долгие годы? Вот еще полетает, ничего с ней не станется. А там, глядишь, купишь себе катер. А то и целую экспедицию соберешь, чем черт не шутит.

Гарин промолчал, хотя внутри все клокотало от возмущения. Он давно уже понял, что их с Карлом ценности находятся в разных плоскостях, их никак не получится подтянуть друг к другу. Проще кивнуть и сделать по-своему, чем до хрипоты спорить, после чего все равно остаться при своем мнении. Да и что он мог противопоставить дуболомной логике датчанина? Слова о долге перед Родиной? Для Карла это пустой звук. Да, идея с крейсером выглядела глупой. Но это лучше, чем совсем ничего не предпринимать!

Конечно, в части Элли Йенсен прав, и тут тот самый случай, когда Гарин, ненавидя себя самого, пытался отодвинуть судьбу девушки на второй план. Да, нужно зарабатывать ей на лечение. Да, он в страшном сне не мог себе представить, чтобы бросить ее одну. Но как быть, если Элли не становится лучше, а ковчег с каждым днем все дальше и дальше?

И как последний светлячок в надвигающейся тьме – бледный, слабый аргумент, дающий возможность отложить решение на потом – Юрий ровным счетом не знал где именно искать свой корабль. А выбрав неверное направление, можно было навсегда заблудиться в бескрайнем космосе.

К тому же, даже заблудиться не на чем. Хоть угоняй старательский дузер и лети на нем, пока горючего хватит. А хватит его ненадолго.

Может, сначала следовало что-то предпринять для решения этой проблемы? Подождать, собрать данные, подкопить средств, найти звездолет.

Вылечить Элли...

Вот опять! Все всегда возвращается к ней. К девушке с непослушной копной волос и огромными доверчивыми глазами.

Кто же она ему, якорь или балласт?

– Призадумался? – Йенсен выразительно посмотрел Юрию в глаза. – То-то же. Я ведь плохого не посоветую. Так, теперь что касается этой новой работы...

Пока датчанин рассказывал, Гарин рассеянно смотрел на улицу, где кружилась песчаная метель, застилая густыми рукавами фонарь по ту сторону дороги. Эта картина, а также раздражающий бубнеж Йенсена вгоняли Юрия в тоскливую меланхолию.

На столе засветился мягким неоном вифон Гарина, звонкие колокольчики прервали Карла.

– Элли, – обрадовался Юрий.

– Вовремя, – с непонятной интонацией согласился Карл. – Ответь уже, а то дребеденькает. Сменил бы уже звонок...

– Привет, Юрий! – жизнерадостный голос девушки прохладным ветерком разрядил сную атмосферу. – О, здравствуй, дядя Карл!

– Привет, – помахал со своего места датчанин. – Хорошо выглядишь.

– Действительно хорошо, – поддакнул Юрий. – И настроение, я смотрю, приподнятое.

Дешевый вифон транслировал нечеткое, сильно уменьшенное изображение, заметно мерцающее в воздухе.

– Мне сегодня целую тарелку фруктов подарили, – похвасталась Элли, крутя перед собой надкусанным зеленым яблоком. – Вкуснятина.

– Это кто там такой щедрый? – удивился Карл.

– Старушка одна, – заявила девушка с таким видом, словно ей каждый день неизвестные старушки делали подарки. – Они с доктором приходили утром. Точнее, ее в инвалидном кресле привозили. Потом еще ее муж зашел, а с ним еще один мужчина, с которым недавно дядя Карл разговаривал...

– О нем я тебе говорил, – многозначительно посмотрел на Юрия Карл.

– А что с ним за бабушка с яблоками?

– Не знаю, – пожал плечами Йенсен.

– Эй, что вы там кислые сидите? – привлекла внимание мужчин Элли. – Словно не я, а вы в больнице сидите. Давайте уже, забирайте меня отсюда, я вас там растормошу!

– Мы как раз об этом разговаривали, – решил сразу прояснить ситуацию Юрий. – Как ты относишься к операции?

С худого лица Элли медленно сошла улыбка, совсем другим голосом она спросила:

– К какой операции?

– Тебе не сказали? – удивился Юрий.

– Она пока не знает, – запоздало подал голос Карл.

– Это поэтому у меня второй день анализы берут, даже отпечатки пальцев? – Элли внезапно сделалась напуганной и растерянной.

– Я сам только что узнал, – попытался оправдаться Гарин.

– Не нужно операций, – у девушки задрожал голос, большие глаза влажно заблестели. – Пожалуйста!

– Ничего не решено, – Юрий бросил предупреждающий взгляд на Йенсена. – Нужно обсудить...

– Не нужно!

– Вы оба такие упертые, – вздохнул Йенсен. – Вы точно не родственники?

– Юра, – девушка подалась вперед. – Не надо операций. Со мной все хорошо, честно. Пожалуйста, не нужно.

– Ты же даже не знаешь, о какой операции идет речь, – хлопнул себя по ноге Йенсен.

Гарин осуждающе посмотрел на него, повернулся к вифону.

– Элли, – произнес он как можно мягче и спокойнее. – Карл разговаривал с руководством клиники, они предложили помощь. Неразумно сразу отвергать предложение, думаю, стоит все хорошо взвесить, переговорить...

– Нет, – отрезала Элли, упрямо тряхнув челкой.

– Но почему?

Девушка молчала, словно подбирая слова. Гарин терпеливо смотрел на нее, на ее кудряшки, на большие глаза и твердо сжатые губы.

– Я им не доверяю, – наконец произнесла девушка. – Из-за таких, как они, я стала... кем я являюсь сейчас.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю... Нет, мне кажется... Это как с запахами, которые иногда знакомые, но не всегда можно вспомнить откуда. Не хватает слов объяснить... Я тут смотрела, – Элли безвольной рукой указала в сторону, где у нее располагался визор. – Что смерть пахнет свежескошенной травой. Я помню этот запах, свежий, приятный... Но я теперь не уверена... Я видела когда-нибудь скошенную траву? Или мне знаком этот запах, потому что я уже умирала?

– Элли, – попытался прервать девушку Юрий, ему не нравился ход разговора.

Девушка словно не слышала.

– Эти белые костюмы, лампы, такие яркие, под потолком, – она начала клониться вперед, волосы полностью закрыли ее лицо. – Я могу их просто... исчезнуть. Могу, но не могу. Не всех придумала я...

Гарин слишком поздно заподозрил неладное. Голова девушки внезапно стала четкой, яркой, осязаемой. Чужой, хриплый голос зарычал из-под полога волос:

– Рэка-рэка.

Изображение погасло и стало прежним, зыбким и бледным. Элли опрокинулась на спину и по ее телу прошла волна судорог.

– Элли! – Гарин вскочил, бросился к столу, словно мог дотянуться сквозь пространство, придти на помощь.

Изображение съехало на сторону, уткнувшись в угол комнаты. Спустя несколько секунд появились люди в одежде медицинского персонала и картинка пропала.

– Второй раз за неделю, – осторожно высказался Карл. – С этим нужно что-то делать, и ты это знаешь не хуже меня, Ю.

Юрий смотрел на потухший вифон, словно тот вновь включится и смеющаяся Элли скажет, что разыграла его. Глупо, но разыграла. Он даже, может, немного отругает ее. Но сразу отляжет от сердца. Сразу все станет проще.

Вифон не зазвонил. Элли не появилась.

Наверное, она не простит его. Наверное, посчитает предателем. Она ведь просила, она доверилась.

Что ж, если эта операция поможет ей, то пусть так. Она умница, она все поймет. Если же нет...

Если нет, то так тому и быть. Но иначе нельзя. Иначе – это снять с себя ответственность и уйти в тень. Это не про Юрия.

Не про Юрия и Элли.

– Скажи, что мы согласны на операцию, – глухо сказал Гарин. – Но узнай все о рисках и возможных последствиях. Нам нужны гарантии.

– Так и сделаю, – покладисто согласился Йенсен. – Тебя до работы подкинуть?

Песчаная метель за окном. Мутный свет невидимого неба. Вернувшаяся меланхолия.

– Да, пожалуй, – вздохнул Юрий.

Попытался вспомнить запах скошенной травы.

Не смог.

5. Десантно-штурмовой фрегат Космических сил Империи «Тетракс». Окраина пограничной зоны ответственности «Восьмая Андромеды»

Операция с самого начала пошла не по плану и теперь стремительно скатывалась в неконтролируемый мордобой. Это понимали капитаны, с мрачной раздраженностью старающиеся выправить ситуацию, понимали штурманы, в спешном порядке прокладывающие новые блицмаршруты, понимали командиры палуб, остервенело гоняющие операторов боевых расчетов. Черт побери, это понял бы даже любой зеленый кадет, научившийся хоть как-то читать картинку тактического проектора! Это понимали все, но только не руководство оперативного штаба на далекой боевой платформе.

– Придерживайтесь утвержденного плана, – отрезал интерком и стыдливо замолчал.

Капитан Акияма еще несколько секунд стоял недвижим, разглядывая разноцветные линии и символы проекционного рисунка поля боя. Казалось, что он боится отойти от передатчика, ожидая если не отмену приказа, то хотя бы радикальных изменений алгоритмов предстоящих действий. На самом деле, Акияма не ждал подобной милости от начальства. Он собирался с мыслями, чтобы выполнить непростую, но знакомую любому солдату задачу – превратить план руководства в жизнь и не подставиться, когда начнут искать крайнего. А крайнего всегда ищут, даже если все прошло как надо.

С высоты мостика капитан окинул взглядом рубку управления. Если кто из членов экипажа и пребывал в напряженном ожидании, то никак этого не показывал – все были заняты штатной работой в своих капсулах.

– Кимура-сан, как оно тебе? – ожил интерком, мерцая огоньком закрытого канала.

– Как всегда, Алексей. Есть идеи?

Капитан второго штурмового фрегата «Каим» Алексей Рудой заковыристо выругался, разбавляя сухой стиль деловой этики колючими славянскими оборотами. Акияма, уже привыкший к манере общения своего товарища, даже не поморщился, лишь движением руки приглушил звук интеркома.

– Как по мне, – Алексей, наконец, перешел к сути. – Можно попробовать как тогда, на Антауте.

– Там нас была эскадра, – заметил Акияма. – И поддержка гренадерской платформы.

– Так и тут не планету штурмуем, – парировал товарищ. – Должно получиться.

Акияма вывел на экран статистику, буднично сообщил:

– Меня надолго не хватит.

– Я вижу. Поэтому я пойду в прорыв, а ты работай на подавление.

Не разумно. Не рационально.

Как обычно.

– Окно, – скомандовал Акияма на частоте экипажа.

Глухая стена прямо перед мостиком дрогнула, разделилась по центру и начала расползаться в стороны, складываясь бронепластинами. Серый пластик и металл сменили контрастные цвета открытого космоса. В углу бугрился желто-черный полумесяц уходящей в тень планеты, россыпью праздничных гирлянд поблескивал тянувшийся поперек экрана шлейф металлических осколков.

Акияма Кимура всегда любил смотреть на войну собственными глазами.

– Альфа и Гамма на исходных, – доложили с пульта управления «каракатицами». – Бета – расформирована, распределена.

– Маршевые двигатели на семьдесят. Второй фронтальный потерял, – это уже техники. – Потеря лба – семь.

Ошметки лобовой брони и остатки звена «каракатиц» – дроидов активного подавления, парили по ту сторону окна, разодранные и оплавленные. За ними – черные капли «умных» мин, щедро усеивающие пространство. А еще дальше, на самой границе видимости, угадывалась цель задания – граненая штанга космической станции с нервно мигающим опознавательным маячком.

Сигналы маяка ввали – станция лишь пыталась выглядеть как технический док для спутников. Увы, об этом стало известно слишком поздно, когда идущий первым корабль Акиямы на всей скорости влетел в тщательно скрытое минное облако.

Кто мог знать, что станция – обманка?

Кое-кто мог. Мог и должен был знать. К примеру, те, кто давал наводку на эту станцию как на мелкий перевалочный пункт контрабандистов. Или те, кто обязан был проверить эту информацию, прежде, чем направлять сюда всего лишь два патрульных корабля.

Потому что теперь картинка радикально отличалась от заявленной в плане рутинной полицейской операции.

– Готов атаковать, – сообщил Рудой. – Нельзя дать им уйти к планете.

В поле зрения появился вытянутый корпус «Каим», похожий на приоткрывшееся семечко подсолнуха. Боевые надстройки мигали огнями, из бортовых ферм посыпались стремительные «каракатицы».

– Разобрать бы их по-тихому и дело с концом, – раздался голос Андрея. – Как думаешь?

– Приказано взять живыми, – напомнил Акияма. – Хотя бы одного.

– Жаль, – сокрушенно вздохнул капитан «Каим». – Я бы эту коробочку за минуту развалил.

Минута – это слишком много. С полноценным, а не урезанным набором тяжелого вооружения, от станции не осталось бы обломков уже после первого залпа. Но нет, кастрировали военные корабли, подрезали крылья боевым пилотам Старой гвардии, заставили заниматься черт знает чем. Вот и результат – какое-то ведро с гайками имеет наглость огрызаться двум имперским фрегатам. Да где такое было видано еще год назад?

Но сейчас – иное время. Иные фавориты. Иные приказы. И, право дело, еще хорошо, что вовсе не списали на поверхность. Многие злопыхатели так были бы этому рады!

Поэтому – здесь и сейчас – нужно жить и побеждать. Иных времен у нас нет.

– Начинаем после третьего сигнала, – Акияма привычно взялся за страховочный поручень, ощутил прохладу гладкого металла в ладони. – Общая команда! Даем шум!

И все ожило, словно к сонным членам экипажа разом подвели питание. Запорхали пальцы на пультах, полетели команды, побежали символы технических данных по экранам. Ноги ощутили вибрацию, когда нойз-пушка выстрелила направленным потоком излучения, заглушая всю связь противника. Внешние сигнальные фонари яркими импульсами транслировали общепринятые сигналы «Внимание!» и «Оставайтесь на месте!». В замолчавший эфир полетел голос Акиямы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.